10
041

ЗАПИСКИ

ОДЕССКАГО ОБЩЕСТВА

ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ.

Т. XXXIII.

213/1

ОДЕССА.
Типографія „Техникъ", Екатерининская, 58.
1919.

10
041

ЗАПИСКИ

ОДЕССКАГО ОБЩЕСТВА

ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ.

Т. XXXIII.

213/1

ОДЕССА.
Типографія „Техникъ", Екатерининская, 58.
1919.

1

Печатано по опредѣленію Одесскаго Общества Исторіи и Древностей.

Вице-президентъ *А. Л. Бертье-Делагардъ.*
Секретарь проф. *А. Флоровскій.*

Государственная публичная
историческая
библиотека РСФСР
1362657

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. Изслѣдованія.

1. Къ вопросу о мѣстонахожденіи Маврокастрона Записки готскаго топарха. *А. Л. Бертье-Делагардъ* . . . . . 1—20

2. Изъ культурной жизни греческихъ колоній на югѣ Россіи. *Б. В. Варнеке* 21—24

3. Нѣсколько фактовъ изъ исторіи русской колонизаціи Новороссіи въ началѣ XIX в. *А. В. Флоровскій* . . . . . 25—40

4. Отношенія Россіи и Италіи въ XIX в. *Е. А. Загоровскій* . . . . . 41—58

5. Новая надпись Одесскаго Музея. *С. Д. Пападимитріу* . . . . . 59—60

Вслѣдствіе крайней дороговизны печатанія и по инымъ независящимъ отъ Совѣта Общества причинамъ въ составъ настоящаго XXXIII тома Записокъ вошла только часть имѣющагося матеріала.

Къ вопросу о мѣстонахожденіи Маврокастрона „Записки готскаго топарха“ [1].

Маврокастронъ, о которомъ пришлось вспомнить говоря о Черной водѣ и Кара-су-базарѣ, служитъ одной изъ вѣхъ для пріуроченія мѣстностей столь загадочной „Записки готскаго топарха“; ея изслѣдованіемъ много разъ занимались наши виднѣйшіе ученые, не прійдя къ чему либо точному или даже согласному. Мои силы вовсе не простираются до того, чтобы позволить себѣ взяться за новое, подробное толкованіе этого важнаго источника исторіи, но мнѣ кажется, что нѣсколько географическихъ разъясненій относительно мѣстоположенія Маврокастрона, одного изъ поселеній, упомянутыхъ въ этой „Запискѣ“, могутъ быть полезными, такъ какъ эта сторона вопроса изслѣдована недостаточно полно. Пріуроченіе этого укрѣпленія находится въ тѣсной связи съ опредѣленіемъ мѣстъ переправы топарха черезъ Днѣпръ и встрѣченнаго имъ селенія Боріона, что неизбѣжно прійдется обсудить и здѣсь.

Пути топарха, писавшаго „Записку“, откуда или куда онъ шелъ, съ какой стороны и гдѣ переправлялся черезъ Днѣпръ, хотя и указывались всѣми, занимавшимися этимъ вопросомъ, но остаются все еще подъ сомнѣніемъ, потому что толкователи во всемъ этомъ рѣзко разошлись—также, впрочемъ, какъ и въ объясненіи иныхъ сторонъ „Записки“. Мѣсто переправы черезъ Днѣпръ ученые изслѣдователи всего болѣе склонны видѣть въ порогахъ или нѣсколько ниже ихъ, подлѣ Кичкасъ и Хортицы. Основаніями такого пріуроченія служатъ однѣ увѣренія Бурачкова въ томъ, что описаніе ледостава въ мѣстѣ переправы, данное топархомъ, приложимо исключительно къ Днѣпровскимъ порогамъ. Бурачковъ говорилъ: „Достаточно простого прочтенія записки топарха знакомому съ мѣстностью, чтобы опредѣлить пунктъ его переправы черезъ Днѣпръ“ [2]. Такое рѣшительное слово уроженца Приднѣпровья и тамошняго старожила, казалось для многихъ неоспоримымъ, но, проживъ нѣсколько лѣтъ въ тѣхъ же низовьяхъ Днѣпра, не могу раздѣлить столь прочно высказанное

---

[1]) Задумавъ дать краткія объясненія къ исторической топографіи поселеній горнаго Крыма, встрѣтилъ въ этой работѣ много выходившаго изъ ея тѣсныхъ рамокъ и расширилъ ее въ „Изслѣдованіе нѣкот. недоумѣн. вопрос. средневѣковья въ Тавридѣ“, первая глава котораго напечатана въ XXXII т. „Зап. Од. Общ.“. Неуложившееся и въ этотъ болѣе широкій кругъ представлю въ приложеніяхъ, но не зная будетъ ли мнѣ дано окончить предпринятое, помѣщаю здѣсь отдѣльно одно изъ нихъ; оно связано со всей работой лишь общностью идеи.

[2]) Бурачковъ, О зап. Готскаго топарха, Ж. Мин. Нар. Пр., 1877, авг., 208.

мнѣніе по многимъ соображеніямъ. Прежде всего замѣчу, что въ „Запискѣ“ топарха рѣшительно ничто не даетъ права думать, будто онъ желалъ сдѣлать точное, самодовлѣющее описаніе явленія природы—ледостава на Днѣпрѣ; напротивъ того, ясно, что всѣ части этого описанія были ему надобны не сами по себѣ, а служили для указанія и усиленія представленія о необычайныхъ трудностяхъ, преодолѣнныхъ столь важнымъ и мужественнымъ путникомъ, какимъ онъ себя представляетъ. По духу и смыслу всей его „Записки“ въ этомъ описаніи слѣдуетъ видѣть реторически изукрашенное представленіе вовсе незнакомаго ему явленія—замерзанія большой рѣки, а тѣмъ болѣе нельзя отъ него ожидать знанія особыхъ мелкихъ условій ледостава въ какой либо исключительной части Днѣпра. Онъ пораженъ волшебнымъ превращеніемъ текучей, жидкой стихіи въ неподвижную, твердую, попираемую ногами людей и коней, поверхность; эта сторона необычайнаго для него явленія, обратившая на себя его главное вниманіе, описана съ такимъ преувеличеніемъ, что ему представились вмѣсто водныхъ потоковъ суровыя (темныя) и каменистыя горы. Въ этихъ его словахъ Бурачковъ увидѣлъ указаніе на такъ называемыя зажоры, забиваніе рѣки по всей ширинѣ и глубинѣ смерзшимся льдомъ, набросаннымъ силой теченія въ быстринахъ пороговъ высокими грудами. Слѣдуетъ замѣтить, что зажоры все же не горы и бываютъ не только въ порогахъ, но выше и ниже ихъ, хотя рѣже и въ меньшихъ размѣрахъ, на отмеляхъ и въ узкихъ, мелкихъ руслахъ. Кромѣ того, едва ли можно себѣ представить какую бы то ни было причину, побудившую переправляться черезъ Днѣпръ именно въ самыхъ быстринахъ пороговъ, гдѣ образуются зажоры, и гдѣ переправа часто трудна, опасна и даже невозможна; для переправъ выбираютъ тихое плесо рѣки, хотя бы и между порогами, въ которомъ зажоръ не бываетъ въ началѣ ледостава. На протяженіи семидесяти верстъ всѣхъ пороговъ встарь была переправа только въ одномъ мѣстѣ, между Будиловскимъ порогомъ и Таволжанской заборой, а это тихое плесо и порогъ съ самымъ слабымъ теченіемъ[1]). Извѣстія объ этой переправѣ не восходятъ далѣе XVI вѣка, но подобные пути всегда исконны и разъ проторенные не мѣняются; можно думать, что въ порогахъ вовсе не было переправы, но если была то только здѣсь.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что это указаніе топарха не столь рѣшительно, какъ думалъ Бурачковъ, и не ведетъ непремѣнно въ пороги, тѣмъ болѣе, что топархомъ указаны не только ледяныя горы,— выраженіе неопредѣленное и легко поддающееся преувеличенію; у него есть и описаніе состоянія рѣки во время переправы: поверхность воды оказывается заполненною льдомъ такъ, что почти не было

[1]) Beauplan, Description d'Ukraine, éd. 1660, 20; Эварницкій, Вольности запор. козаковъ, 254 и далѣе; подробно описаны всѣ переправы. Тоже на многихъ картахъ. Дневникъ Эр. Ласоты, Мемуары къ исторіи южной Руси, I, 165—166.

мѣста даже и малымъ челнамъ, сдавливавшимся громадными льдинами, на которыя высаживались люди и плыли на нихъ, какъ на плотахъ. Ничего такого не можетъ быть въ зажорахъ, гдѣ теченіе останавливается, да и вообще едва ли подобное можно увидѣть при первичномъ ледоставѣ, особенно въ порогахъ, когда льдины и вообще тонки и мелки, а въ порогахъ дробятся о скалы. Мнѣ представляется несравненно болѣе вѣроятнымъ, что топархъ описываетъ не первичный ледоставъ, какъ думалъ Бурачковъ, а послѣдующій, повторный и конечно не въ порогахъ. Днѣпръ въ низовьяхъ сначала замерзаетъ гладко, обыкновенно въ ясныя, тихія ночи; затѣмъ, ледъ на немъ утолщается до значительной степени и рѣка стоитъ до весны; но бываетъ и совсѣмъ иное положеніе вещей. Послѣ перваго замерзанія, спустя нѣкоторое, часто долгое время, наступаетъ оттепель съ низовыми вѣтрами, поднимающими воду и взламывающими ледъ, начинается ледоходъ, очень медленный, при чемъ для переправы приходится долго ждать или пробираться съ опасностью, между большими, толстыми льдинами, совершенно такъ, какъ описываетъ топархъ. Но если при такомъ, какъ бы случайномъ ледоходѣ, погода вдругъ мѣняется, вѣтеръ переходитъ отъ юго-запада къ сѣверу, то немедленно наступаютъ вновь большіе морозы, съ жестокими верховыми вѣтрами. Тогда льдины, гонимыя вѣтромъ и теченіемъ, взметываются одна на другую, сбиваются въ груды, большими буграми, горами, по терминологіи топарха, и Днѣпръ вновь замерзаетъ. Обычно, вскорѣ затѣмъ, морозы нѣсколько уменьшаются, наступаетъ часто снѣжная буря, съ метелями и глубокими снѣгами. Все это есть описаніе послѣдствій циклона, проходящаго зимой выше низовьевъ Днѣпра, и именно такая погода изображена въ „Запискѣ“ топарха[1]). Подобное послѣдованіе явленій бываетъ нерѣдко въ низовьяхъ Днѣпра, куда и слѣдуетъ отнести слова топарха, тѣмъ болѣе, что время его переправы, январь мѣсяцъ, маловѣроятно для первичнаго ледостава въ порогахъ,—оно слишкомъ позднее. Такъ понимая это мѣсто „Записки“, не прійдется направлять топарха въ пороги, съ нарушеніемъ географической очевидности для наиболѣе вѣроятнаго его пути, да и вообще будетъ видно, что въ его словахъ не заключается ничего точно опредѣляющаго точку переправы, можно лишь сказать, что изъ нихъ, въ противность мнѣнію Бурачкова, вѣроятнѣе находить мѣсто переправы не въ порогахъ, а въ низовьяхъ Днѣпра.

Переправы черезъ Днѣпръ ниже пороговъ, въ челнахъ или по льду, возможны вездѣ. На избраніе ихъ мѣста вліяли разныя обстоятельства: ширина рѣки, степень ея засоренности, число рѣчныхъ протоковъ, поселенія на ея берегахъ и проч. Всѣми этими свойствами, присущими самой мѣстности, дѣло не ограничивалось тамъ, гдѣ пере-

[1]) Вестбергъ, Зап. готскаго топарха, Виз. Врем., XV, 281—282, гл. 1 и 2 перевода.

права, вообще говоря, вездѣ возможна; въ такихъ случаяхъ наибольшее вліяніе на выборъ ея мѣста оказывали направленія путей, удлинять которыя, изъ за переправы, никому не было желательнымъ. Во время козаковъ въ этой части Днѣпра, отъ пороговъ до лимана, по длинѣ около двухсотъ пятидесяти верстъ, называютъ 16 переправъ[1]); такая ихъ частота съ очевидностью показываетъ, какъ много значенія придавали путники соображенію о сокращеніи пути. Бопланъ, а ранѣе его Михайло Литвинъ, показываютъ на томъ же протяженіи только четыре переправы, но они сами тамъ не были и говорятъ кратко, съ чужихъ словъ, указывая лишь главнѣйшія[2]). По этимъ описаніямъ, зная направленіе пути топарха, можно было бы указать, съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ, и мѣсто его переправы, но при неопредѣленности перваго остается лишь гадать о послѣдней, въ чемъ главнымъ руководствомъ должна быть географическая карта.

Переправа въ порогахъ (между Будиловскимъ и Таволжанской) указываетъ направленіе пути отъ юго-запада или запада съ Дуная до Кіева, на средніе Донъ и Волгу, но въ длинномъ рядѣ разныхъ предположеній о пути топарха подобнаго еще не дѣлалось, да онъ и совершенно несогласимъ съ историческими возможностями. Путь съ юго-запада, между Дунаемъ и Крымомъ или нижнимъ Дономъ ведетъ на самую нижнюю переправу, у нынѣшнихъ Херсона—Алешекъ, но эта переправа столь длинна и долга, идя по разливамъ и протокамъ Днѣпра, что едва ли ею много пользовались въ такихъ случаяхъ и, вѣроятно, предпочитали переправляться выше, у Бериславa, съ нѣкоторымъ удлиненіемъ пути, какъ то дѣлаютъ и понынѣ. Пути съ сѣверо-запада и запада, а въ особенности, между заднѣпровской Русью и Крымомъ, обязательно и неизмѣнно вели на ту же самую, наиболѣе извѣстную, посѣщаемую и удобную переправу, у теперешнихъ Берислава—Каховки (черезъ островъ Тавань). Значеніе этой переправы по преимуществу передъ всѣми прочими не трудно выяснить нѣсколькими указаніями. Въ молодости я еще видѣлъ, какъ ранней весной, вокругъ Берислава, ожидая очереди и возможности переправы, вся степь, на необозримое пространство, покрывалась тысячами чумацкихъ возовъ, идущихъ въ Крымъ за солью, со всей право- и даже лѣво-бережной Украйны. Не точно въ такомъ видѣ, но все же въ чрезвычайномъ значеніи, можно прослѣдить упоминаніе объ этой переправѣ и вглубь временъ. Въ татарское время, карты начала XVII вѣка (Радзивиловская, Боплана и друг.) показываютъ здѣсь „великую переправу татарскую“. Именно на этой переправѣ Татары построили въ 1504 году свою первую крѣпость на Днѣпрѣ—

---

[1]) Эварницкій, Вольности запор. козаковъ, 254—258; Его же, Истор. запор. козак., I, 41—42.

[2]) Beauplan, op. c., 25—26, перев. въ Мем. къ ист. южн. Руси, I, 320; Mich. Lituani, De morib. Tartar., ed. 1515, 50, перев. въ тѣхъ же Мем., 50. Есть разница въ названіяхъ переправъ у Мих. Литвина, и Боплана.

Исламъ-керменъ (Ислама крѣпость, Оплотъ Ислама), чуть ниже Каховки[1]); позже, въ 1596 г., напротивъ, на мѣстѣ нынѣшняго Бериславa, Турки построили Казы-керменъ (Судейская крѣпость)[2]); затѣмъ, они же, пополамъ съ Татарами, на островѣ Таванѣ (Ступня, Порогъ), между Бериславомъ и Каховкой, черезъ который шла вся эта переправа, построили въ 1626 году, въ виду чрезвычайнаго усиленія и успѣшности козачьихъ морскихъ набѣговъ, еще двѣ крѣпости: Мустридъ-керменъ (Удовлетворенная крѣпость) и Мубарекъ-керменъ (Благодатная крѣпость)[3]). Такимъ образомъ, здѣсь на одной переправѣ было построено четыре крѣпости, чего не дѣлалось ни на какой иной. Само татарское названіе этой переправы—Диванъ-гечеди (Судейская, Совѣтская переправа) показываетъ ея особую важность. Изъ своихъ набѣговъ Татары всегда старались попасть на эту переправу, какъ удобнѣйшую и ближайшую къ Крыму; перейдя здѣсь на свою, лѣвую сторону рѣки, считая себя въ безопасности, присуждали, дѣлили, дуванили добычу, полонъ, считаемый не рѣдко десятками тысячъ; вершили по этимъ вопросамъ споры и недоразумѣнія[4]). Всего лучше значеніе этой переправы и давность пути черезъ нее видны изъ словъ Михайлы Литвина, особенно пригодныхъ въ настоящемъ случаѣ въ поясненіе „Записки“ топарха: „Кіевъ изобилуетъ „иностранными товарами, ибо нѣтъ пути болѣе обычнаго, какъ древ„няя, давно проложенная дорога, ведущая изъ черноморскаго порта „Кафы (а ранѣе Кафы изъ Сурожа, конечно), черезъ ворота Таврики „(т. е. Перекопа), на Таванскій перевозъ на Днѣпрѣ, а оттуда степью „въ Кіевъ; по этой дорогѣ отправляются изъ Азіи, Персіи, Индіи, „Аравіи и Сиріи на сѣверъ въ Московію, Псковъ, Новгородъ, Швецію „и Данію всѣ восточные товары... По этому пути часто отправляются „иноземные купцы; они составляютъ отряды, иногда въ тысячу чело„вѣкъ, называемые караванами... платили (караваны) значительную „пошлину предкамъ ваш. велич. при переправѣ черезъ Борисфенъ у „Тавани; тамъ и понынѣ сохранилось въ цѣлости каменное зданіе, „которое и наши, и Татары, и Греки, называютъ Витовтовою банею,

---

[1]) Смирновъ, Кр. ханство, 342—343; безъ сомнѣнія здѣсь дѣло идетъ о построеніи Исламъ-кермена, ханомъ Менгли-Гиреемъ; онъ показанъ на старинѣйшихъ картахъ; Кара-керменъ совсѣмъ иное дѣло.

[2]) На старыхъ картахъ, не всегда, но чаще и въ разныхъ текстахъ, эту крѣпость называютъ Кизи-керменъ (Дѣвичья крѣпость); конечно, вѣрнѣе первое названіе, по смыслу именъ сосѣднихъ урочищъ и по большему сходству съ названіемъ, даваемымъ этой крѣпости г. Смирновымъ,—Гази-керменъ (Кр. Ханст. 461, 651—652). Послѣднимъ названіемъ она смѣшивается съ крѣпостью, построенной ханомъ Гази-Гиреемъ гдѣ то у Черкесовъ, на Таманскомъ полуостровѣ. (Кр. Х., 460, 462, 463.

[3]) Описаніе р. Днѣпра, Зап. Од. Общ. Ист. и Др., III, 269, 574; Эварницкій, Вольности запор., 115—118; Его же, Ист. Зап. Коз., III, 221; здѣсь подробности объ этихъ крѣпостяхъ мѣстами не совсѣмъ точны; Смирновъ, Кр. ханст., 493.

[4]) Эварницкій, Ист. запор. коз., I, 41, 407.

„въ немъ жилъ мытникъ... собиравшій пошлину..." [1]). Исключительная важность этой переправы станетъ еще яснѣе, если прибавить, что черезъ нее путь Кіевъ—Крымъ былъ кратчайшимъ. Направленіе черезъ пороги удлиняетъ его почти на полтораста верстъ, а такая величина, и сама по себѣ не малая, получаетъ еще большее значеніе, если вспомнить, что она составляетъ болѣе четверти всего пути между Перекопомъ и Кіевомъ. Такое свойство этого направленія столь значительно, что Ю. А. Кулаковскій почитаетъ иной путь въ Крымъ изъ Кіева, черезъ пороги, совершенно невозможнымъ [2]). Самъ Бурачковъ, допустивъ переправу топарха въ порогахъ, очевидно этимъ самымъ вынужденъ былъ отвергнуть всякую мысль о направленіи его пути на Крымъ и сталъ разыскивать его обычное мѣстожительство и его городъ тамъ же въ порогахъ [3]).

Большинство ученыхъ обсуждавшихъ этотъ вопросъ, признавали, что топархъ шелъ отъ Кіева въ Крымъ, но въ такомъ случаѣ никакія толкованія его описанія ледохода не могутъ измѣнить его пути, ведшаго непремѣнно и неизбѣжно на ту же стариннѣйшую переправу—Тавань. Да и не только этотъ путь, а, смѣю думать, и всякій иной, кромѣ явно невозможнаго, вродѣ указаннаго Бурачковымъ, приведетъ къ той же переправѣ, если касается Днѣпра; столь рѣшительно и велико значеніе Тавани въ направленіи путей южной Россіи.

Переправившись черезъ Днѣпръ, топархъ попадаетъ, по его разсказу, на противоположномъ берегу въ дружеское поселеніе—Боріонъ, обитатели котораго снабдили его челнами для переправы и проводниками въ дальнѣйшемъ пути. Пріуроченіе этого поселенія тоже дѣлалось самое разнообразное, преимущественно по созвучію именъ урочищъ, хотя бы и внѣ связи съ мѣстомъ переправы, что едва ли допустимо, ибо очевидно, что Боріонъ необходимо искать на берегу, у самого мѣста переправы [4]). Переправа Бериславъ—Каховка состоитъ въ томъ, что съ праваго берега переѣзжаютъ прямо черезъ широкое, главное русло Днѣпра на островъ Тавань, а уже съ него попадаютъ на материкъ лѣваго берега, для чего еще разъ переправляются черезъ узкій и мелкій рукавъ р. Конки, что не представляетъ затрудненія ни въ какомъ случаѣ; точно такъ и до сихъ поръ идетъ въ этомъ мѣстѣ почтовый путь. Островъ Тавань годенъ для заселенія и на немъ, какъ сказано выше, были построены двѣ крѣпости,—Мустридъ-керменъ и Мубарекъ-керменъ, но урочища, на которыхъ онѣ были основаны, ранѣе носили совсѣмъ иныя имена, идущія изъ очень давнихъ временъ—Туганъ (Ястребъ) и Хонъ-бурунъ

---

[1]) Михайло Литвинъ, Мемуары относ. къ ист. южн. Руси, 51; Michal. Lituani, De moribus Tartarorum, ed. 1515, 35.

[2]) Кулаковскій, Зап. Готск. топарха, реценз. въ Ж. Мин. Нар. Пр., 1902, апр., 451.

[3]) Бурачковъ, ор. с., 212.

[4]) Вестбергъ, ор. с., Виз. Вр., XV, 90; собраны разныя мнѣнія.

(Счастливый мысъ)[1]). Первое на берегу Днѣпра, противъ Казы-кермена (Берислава), а второе у лѣваго берега, при началѣ рукава Конки. Не мало дѣлалось догадокъ о языкѣ слова—Боріонъ, а такъ какъ во время топарха разныя тюркскія племена уже нѣсколько вѣковъ и въ большихъ количествахъ кочевали въ тѣхъ мѣстахъ, то вполнѣ возможны и даже наиболѣе вѣроятны тюркскія названія урочищъ, каковъ бы ни былъ въ данную минуту племенной составъ въ самихъ поселеніяхъ. Отсюда можно заключить, что, какъ по созвучію, такъ и по мѣсту, Боріонъ есть тотъ же Бурунъ (мысъ), находящійся тамъ, гдѣ ему и слѣдуетъ быть, т. е. на мѣстѣ самой переправы топарха, на островѣ Таванѣ.

Изъ Боріона топархъ держалъ путь на какой то Маврокастронъ, отыскиваемый комментаторами и на югѣ и на западѣ отъ переправы и къ тому же въ чрезвычайномъ отъ нея отдаленіи; послѣднее условіе, однако, почитаю совершенно невѣроятнымъ. Маврокастронъ названъ у топарха случайно; это не его городъ, и не конечная цѣль его пути; такимъ указаніемъ опредѣлялось лишь направленіе изъ Боріона дальнѣйшаго пути и слѣдовательно это должно было быть ближайшимъ въ мѣсту переправы поселеніемъ, первымъ могшимъ ему встрѣтиться послѣ выхода изъ Боріона. Такое пониманіе словъ „Записки" наиболѣе естественно и, не смотря на то, этотъ городъ искали или въ Крыму, верстахъ въ двухстахъ отъ переправы, или на Днѣстрѣ, еще дальше, до трехсотъ верстъ и то отъ ближайшей Таванской переправы; допуская переправу въ порогахъ прійдется къ этимъ мѣрамъ прибавить верстъ по двѣсти. Огромности такихъ разстояній довольно, чтобы не признавать Маврокастрона топарха ни въ Крыму, ни на Днѣстрѣ; для такого отрицанія найдутся и еще соображенія. То или другое мѣсто указывалось толкованіями въ зависимости отъ предположеннаго пути топарха. Направлявшіе его на югъ въ Крымъ, указывали Маврокастронъ въ нынѣшнемъ Кара субазарѣ (Черной воды рѣчка), но эта Черная вода никогда не была и не звалась Черной крѣпостью. Кара-су-базаръ городъ чисто татарскій, весьма поздній, въ X вѣкѣ, безъ сомнѣнія, не существовавшій. Авторъ армянскаго сочиненія, образованный и начитанный, писавшій въ началѣ XIX вѣка, знакомый съ источниками татарской исторіи, мѣстными языками, жизнью и преданіями, многіе годы жившій въ этомъ самомъ Кара-су-базарѣ, рѣшительно говоритъ, что этотъ городъ основанъ Татарами, подробно называя, какъ и какія части города послѣдовательно заселялись семьями, потомки которыхъ еще существуютъ[2]). Кондараки объ основаніи этого города приводитъ два преданія, также относящіяся къ татаро-мусульманскимъ време-

[1]) Стат. спис. Тяпкина и Зотова, Зап. Од. Общ. Ист. и Др., II, 645; отд. изд. того же списка, Одесса, 1850, 24, 243—245. Ночевали между этими городами.

[2]) Минасъ Медичи, Путешествіе въ Польшу и проч., Венеція, 1830, § 407. Переводъ не напечатанъ, но есть у меня.

намъ [1]). Миссіонеръ д'Асколи, долго жившій въ Крыму (въ Кафѣ, болѣе десяти лѣтъ), считаетъ, что Кара-су-базаръ построенъ и выросъ въ его время, т. е. основанъ не ранѣе конца XVI вѣка [2]). Кеппенъ ничего не могъ указать для исторіи Кара-су-базара, ранѣе начала XVIII вѣка [3]). Возможно, что начало его заселенія произошло и нѣсколько ранѣе, не въ концѣ, а въ началѣ XVI вѣка, судя по тому что онъ отданъ въ кормленіе Менгли-Гиреемъ своему сыну и калгѣ—Мухаммедъ-Гирею [4]), однако, свѣдѣніе объ этомъ очень позднее и легко могло смѣшать право на землю, гдѣ позже построился городъ, съ самимъ городомъ. Слѣдовательно ни по названію, ни по времени въ этомъ городѣ нельзя видѣть Маврокастронъ топарха и для такого пріуроченія нашлось лишь очень сомнительное показаніе Тунмана, ссылавшагося на слова Ваддинга, говорившаго, что Францисканцы имѣли монастырь въ началѣ XIV вѣка въ какомъ то поселеніи—Marumcastrum [5]). Прежде всего здѣсь слѣдовало бы доказать, что Марумъ-каструмъ однозначащъ съ Маврокастронъ, въ чемъ позволительно сомнѣваться; но пусть и такъ, все же это показаніе очень позднее, тоже относящееся къ татарскимъ временамъ и рѣшительно ни изъ чего не видно, чтобы оно опредѣляло именно Кара-су-базаръ или даже какое бы то ни было мѣсто въ Крыму. У Ваддинга это названіе читается въ спискѣ семнадцати городовъ, между Дунаемъ и Сараемъ, данныхъ не въ географическомъ порядкѣ [6]), такъ что Брунъ въ другой своей работѣ, на основаніи тѣхъ же словъ, относилъ Маврокастронъ къ Аккерману на Днѣстрѣ [7]). Къ тому же надо вспомнить, что ни въ исторіи, ни въ дѣйствительности нѣтъ ни малѣйшаго слѣда какого либо Францисканскаго монастыря не только въ Кара-су-базарѣ, но и во всемъ Крыму. Остается лишь одно случайное, да и то частичное совпаденіе названій—Черная крѣпость и Черная вода, но Черныхъ водъ не мало вездѣ. По всему сказанному полагаю, что давно пора забыть догадку Тунмана, переставъ привлекать Кара-су-базаръ къ этому вопросу.

Во всякомъ случаѣ считаю совсѣмъ невѣроятнымъ и даже практически невозможнымъ, чтобы топархъ съ береговъ Днѣпра, идя въ Крымъ и указывая направленіе своего пути на Маврокастронъ, имѣлъ въ виду мѣсто современнаго Кара-су-базара. Въ этомъ случаѣ ему и естественно и прямо необходимо было бы, прежде всего, обозначить мѣсто, лежащее не внутри Крыма, а гдѣ либо на входѣ въ него, такъ какъ таковыхъ всегда было нѣсколько. Да и далѣе, по

---

[1]) Кондараки, Столѣт. Кр., Ист. и арх., 40—41.

[2]) Дортелли д'Асколи, Опис. Чернаго моря, Зап. Од. Общ. Ист. и Др., XXI, 120.

[3]) Кеппенъ, Кр. Сборн., 337, сравн. съ 4.

[4]) Смирновъ, Кр. ханст., 353. Во время Д. д'Асколи было тоже.

[5]) Büschings, Erdbeschreib., IV B., 343.

[6]) Брунъ, Черноморье, II, 217.

[7]) Брунъ, Черноморье, II, 297—298.

самому Крыму его путь никоимъ образомъ не могъ идти на Кара-су-базаръ, а пролегалъ западнѣе и указывать надо было Ѳеодоро или Херсонъ, если дѣло шло о походѣ въ крымскіе Климаты, изъ за которыхъ собственно и предполагается все это направленіе. Брунъ, очевидно отвѣчая смыслу одного послѣдняго изъ этихъ двухъ замѣчаній, по которому Кара-су-базаръ сюда не подходитъ, старался найти Маврокастронъ въ западномъ Крыму и, основываясь на словахъ очень поздняго турецкаго чиновника-путешественника, давшаго для Мангупъ-кале второе имя—Кара-су, думалъ, что Маврокастронъ слѣдуетъ, быть можетъ, искать не въ Кара-су-базарѣ, а въ Мангупъ-кале (Ѳеодоро)[1]); съ этимъ соглашался и Карауловъ[2]). Но Мангупъ-кале никогда не звался и не могъ зваться Кара-су, что было бы совершенно не соотвѣтственно его расположенію на высокой, отдѣльно стоящей горѣ, вовсе не имѣющей какой либо рѣки по близости. Нѣтъ сомнѣнія, что турецкій чиновникъ ошибся, но его показаніе для Бруна поддерживалось именемъ Черной рѣчки (Кара-су); эта же рѣка протекаетъ совсѣмъ въ сторонѣ и вдали отъ Мангупъ-кале, а ея названіе самоновѣйшее, данное только Русскими, въ видѣ осмысленія подобнозвучащаго имени большой татарской деревни Чоргунъ, или Чоргуна, лежащей на ея берегахъ; у Татаръ эта рѣчка никогда не слыла Черной (Кара-су), а называлась и называется въ низовьяхъ—Бюкъ-узень (Большая рѣчка), а выше деревни—Казыклы-узень (Порожистая рѣчка, забитая кольями). Впослѣдствіи, Брунъ и самъ отказался отъ этого своего предположенія[3]).

Въ видахъ перваго замѣчанія, т. е. необходимости обозначенія мѣста входа въ Крымъ, прямѣе подошелъ къ вопросу Куникъ, отыскивая Маврокастронъ вблизи теперешняго Перекопа, ссылаясь въ этомъ на карту Массы, гдѣ въ тѣхъ мѣстахъ показанъ городъ Нигрополи, что считалось возможнымъ счесть итальянскимъ переводомъ Маврокастрона[4]). На самой картѣ Массы этотъ городъ показанъ на рѣкѣ, впадающей въ другую и вмѣстѣ съ нею въ заливъ имени города, нынѣ Перекопскій. Не только изданіе карты Массы, читанное Куникомъ, но и сама основная карта слишкомъ поздни для показанія положеній X-го вѣка, а потому понятенъ и вопросъ Куника, какіе источники служили Массѣ руководствомъ къ составленію его карты[5]). Таковыми въ разсматриваемыхъ частяхъ были карты

---

[1]) Крымскій полуостр. около полов. XVIII стол., 11, 23 и прим. 11; Новорос. календ. на 1868 г.; переводъ ст. Schlechta Wssherd, Walachei, Moldau etc, переведенной съ Турецкаго въ Sitzungsber. d. Akad. d. Wiss., Wien, 1862, XL Bd., 40.

[2]) Карауловъ и Сосногорова, Путеводит. по Крыму, изд. 4-е, 337.

[3]) Сравн. Черн. Готы, 30--31 (Зап. Ак. Н., III) и Черноморье, таже ст., II, 216—217.

[4]) Куникъ, О зап. Готск. топарха, 126—127.

[5]) Noviss. Russiae Tabula, Auth. Is. Massa, первое изд. 1633 г. и очень много послѣдующихъ. Эта карта не рѣдка. Находится также: Кордтъ, Матер. по истор.

Гастальдо, 1562 и 1568 годовъ, но въ незначительной мѣрѣ, а всего болѣе большая карта Крыма, 1595 года, Taurica Chersonesus, Меркатора. На этой послѣдней, въ тѣхъ же мѣстахъ и условіяхъ, что и у Массы, показаны заливъ и городъ Нигрополи. Меркаторъ (и Гастальдо) съ своей стороны эти части карты составлялъ всего болѣе по портуланамъ, во всемъ что касается прибрежій, а внутри страны держался, отчасти, Птолемея и древнихъ авторовъ, съ прибавкой современныхъ ему польскихъ сообщеній; съ обозначеніемъ вышеупомянутыхъ городовъ ни одинъ изъ портулановъ неизвѣстенъ. Далѣе нельзя провести послѣдованіе картографическихъ источниковъ, и стало быть таковые не идутъ глубже XIII вѣка, допуская, что нашлось бы указаніе въ какомъ либо портуланѣ. Кромѣ того, совершенно невѣроятно, чтобы Меркаторъ или какой либо изъ его источниковъ, перевели названіе города съ греческаго на итальянскій. Какъ по этимъ соображеніямъ, такъ и по дальнѣйшему, нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что городъ Нигрополи выдуманъ картографами книжнымъ путемъ и никогда не существовалъ въ дѣйствительности, а такъ какъ такое мнѣніе можетъ показаться не обоснованнымъ, то представлю его нѣсколько подробнѣе.

Въ географическихъ картахъ тѣхъ начальныхъ временъ картографіи нельзя видѣть, какъ въ нашихъ, истинныхъ свѣдѣній, проложенныхъ на бумагѣ по математическимъ началамъ; тогда карты были не столько картами въ нашемъ пониманіи этого слова, сколько все тѣми же историко-археологическими трактатами, со свойственными послѣднимъ остроумными догадками, любопытными домыслами и смѣлыми предположеніями, но только все это излагалось графически, чертежомъ. Въ настоящемъ случаѣ мы видимъ допущенные грубые географическіе вымыслы, основанные лишь на явно ошибочныхъ догадкахъ отъ разума. Большой заливъ съ сѣверо-запада Тавриды, отдѣляющій ее отъ материка, окруженный пустынными, безлѣсными и безводными степями, на обширномъ протяженіи въ своемъ дальнемъ концѣ (около двадцати пяти верстъ) вовсе недоступенъ, по мелководью, даже малымъ лодкамъ, а огромныя количества выбрасываемыхъ въ извѣстную пору года и гніющихъ на его берегахъ морскихъ водорослей, распространяютъ тяжелое, почти трупное зловоніе. Все это дало поводъ Византійцамъ столь мѣтко назвать этотъ заливъ—Некропила. Плаваніе по этому заливу не только въ концѣ, но и вообще, трудное, опасное, а по пустынности и безлюдности его береговъ ни къ чему не надобное; понятно, что древнимъ, вначалѣ онъ вовсе не былъ извѣстенъ и Таврида имъ представлялась мысомъ вдающимся въ Черное море, а не полуостровомъ. Позднѣе объ этомъ заливѣ имѣли нѣкоторое представленіе, но все же сомнительное и

Русск. карт., вып. II, л. 44; въ этомъ же изданіи можно найти и болѣе рѣдкіе листы, названныя далѣе, Гастальдо, Меркатора.

спутанное[1]). Южнѣе, по серединѣ западнаго берега Тавриды, есть также заливъ, хотя и не большой, но, съ примыкающимъ къ нему обширнымъ озеромъ вмѣстѣ взятый, кажущійся глубоко вдавшимся; на его берегу стоялъ древній городъ Керкинитъ (нынѣ Евпаторія), по имени котораго звался и заливъ. При тогдашнемъ крайне слабомъ пониманіи дѣйствительныхъ очертаній странъ неудивительно было спутать мѣстоположеніе этихъ двухъ заливовъ, принять ихъ за одинъ и тотъ же и, по кабинетной логикѣ, въ большой заливъ (Перекопскій) помѣстить большой городъ—Керкинитъ, назвавъ его именемъ и заливъ—sinus Carcinites. Такое представленіе, покрытое непреложнымъ авторитетомъ Птолемея, стало во главу соображеній средневѣковыхъ картографовъ. Что именно таково было ихъ пониманіе настоящаго вопроса видно всего лучше изъ знаменитой первой карты Меркатора—1554 года и ея повторенія—1572 года. Онъ зналъ очертаніе береговъ, даваемое портуланами, близко подобное истинѣ и не могъ не понимать всю нелѣпость Птолемеевскихъ картъ, но все же, давъ относительно хорошее начертаніе береговъ Тавриды по портуланамъ, не рѣшился вовсе отбросить и показаніе Птолемея; принявъ его расположеніе и названія городовъ, тщился размѣстить ихъ по истинному прибрежью. Сохраняя въ глубинѣ Перекопскаго залива Керкинитъ, ближайшій къ нему городъ—Херсонесъ, съ его сосѣдствомъ, онъ вынужденъ былъ подать на сѣверъ, дабы приблизить къ Керкиниту, показавъ его на крайнемъ сѣверо-западномъ мысѣ Тавриды (нынѣ Тарханъ-кутъ). Въ болѣе поздней своей картѣ, 1595 года (Taurica Chers.), гдѣ онъ ввелъ современныя названія городовъ и урочищъ, сохраняя Керкинитъ въ глубинѣ Перекопскаго залива, имъ тамъ же показанъ, кромѣ того, городъ Козловъ, т. е. Гёзлеве, турецкое названіе древняго Керкинита, современной Евпаторіи, на мѣсто которой поставленъ Херсонесъ. Совершенно тоже можно видѣть въ самостоятельной картѣ, знакомаго съ этими мѣстами, начитаннаго Броневскаго, посла Баторія[2]); здѣсь также въ глубинѣ Перекопскаго залива (по его терминологіи—Керкинитскаго) показанъ городъ Козловъ (Coslovia, т. е. Гёзлеве—Евпаторія), а города Керникита уже нѣтъ вовсе. Кажется очевидно, что во всемъ этомъ географическая описка и лишь путемъ ея очутился Керникитъ на бумагѣ тамъ, гдѣ въ дѣйствительности его никогда не бывало, доставивъ столько хлопотъ археологамъ, додумавшимся до существованія двухъ Керкинитовъ[3]). Въ текстѣ къ послѣдней картѣ Меркатора даже говорится:

[1]) Свѣдѣніе древнихъ объ этомъ мѣстѣ Чернаго моря собраны у Minns, Scythians and Greeks, 16—18.

[2]) M. Broniovii, Tartariae descriptio, Col. Agrip., 1595, 4—5, карта.

[3]) Совершенно невозможно изложить здѣсь даже въ самомъ краткомъ видѣ разныя предположенія археологовъ по этому вопросу, но считаю не лишнимъ замѣтить, что разсужденія объ этомъ Бурачкова (О мѣст. Каркинитеса, З. О. О. Ист. и Др., IX, 485 и дал.), будто бы основанныя на современныхъ картахъ ни съ послѣдними, ни съ дѣйствительностью вовсе не сходны.

Perecopia a veteribus Graecis Eupatoria, т. е. тогда онъ полагалъ тожество Гёзлеве не только съ Керкинитомъ, но и съ невѣдомой намъ по нынѣ древней Евпаторіей. Эта описка картографовъ повлекла другую, которую укажу кратко. Перенеся Керкинитъ съ заливомъ его къ сѣверу, въ Перекопъ, потянувъ Херсонесъ на его мѣсто, берега бухты послѣдняго, вмѣстѣ съ большой бухтой нынѣ Севастополя пришлось развернуть за современную Евпаторію и средневѣковое названіе Севастопольской бухты—Каламита примѣнить къ Евпаторійскому заливу, древней Керкинитидѣ. И до сихъ поръ еще на нашихъ картахъ не исчезли эти ошибочныя названія пріуроченія заливовъ—Керкинита и Каламиты. Тунманъ, не имѣвшій точнаго представленія о Севастопольскомъ заливѣ, называетъ Каламитой Евпаторійскій заливъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, съ турецкихъ источниковъ, увѣряетъ, что сѣверная часть этого залива именовалась—пять бухтъ (Бешъ-лиманъ), а южная—четырнадцать бухтъ (Ондертъ-лиманъ), будто бы потому что тамъ находилось такое число худыхъ и хорошихъ бухтъ—прибрежій[1]). Но въ Евпаторійской излучинѣ берега совсѣмъ нѣтъ ни единой бухты, а показанныя числа дѣйствительно найдутся вокругъ береговъ Севастопольскаго залива (истинной Каламиты), считая всѣ впадины отъ Херсонесскаго маяка до Константиновской батареи. Логика домысловъ не остановилась на отнесеніи Керкинита въ Перекопъ. По тогдашнему разсужденію большой заливъ долженъ былъ имѣть впадающую въ него большую рѣку; карты Птолемея показали и таковую, къ тому же, какъ полагалось по книжному, вытекающую изъ горъ или, какъ у Меркатора, изъ обширнаго озера. Близъ устья именно этой выдуманной рѣки и поставленъ на картѣ городъ Каркинитъ. Конечно, не ничтожная степная рѣченка—Каланчакъ, часто вовсе безводная и впадающая въ серединѣ сѣвернаго берега залива, а не въ его глубинѣ, дала тому поводъ, а просто догадка географа-археолога. У Меркатора Каланчакъ показанъ самъ по себѣ, на своемъ мѣстѣ; у его устья, съ портулановъ, показанъ городъ—Pidea. Всѣ эти догадки, обставленныя высокими авторитетами, сдѣлали то, что даже на позднѣйшей картѣ Тезинга (1699 г.), хотя Каланчакъ и названъ своимъ именемъ и стоитъ на своемъ мѣстѣ, но въ верховье Перекопскаго залива все еще впадаетъ огромная рѣка, названная—Молочной; а эту карту дѣлали, по приказу Петра, будучи на мѣстѣ, Брюсъ и Менгденъ.

Плаваніе моряковъ съ компасомъ измѣнили всѣ представленія. Забросивъ Птолемеевскія бредни, а быть можетъ и не зная ихъ, моряки дали то, что сами видѣли и слышали: довольно правильныя очертанія береговъ и вѣрныя названія мѣстностей. Въ ихъ портуланахъ Керкинитъ показанъ тамъ, гдѣ онъ былъ искони, т. е. у современной намъ Евпаторіи,—и другого, какъ не существовавшаго, ими не

[1]) Büschings Erdbeschreib., IV 33, 340; Кеппенъ, Кр. сб., 324.

указано; для Перекопскаго залива они приняли единственное употребляемое тогда въ дѣйствительности названіе, данное еще Византійцами, но осмыслили его по своему изъ Некропила (Νεκρόπυλα) получилось—Nicropoli, Nigropilla, Nigropolo, Negropoli, Nisopola и многіе подобные варіанты. Все это совершенно очевидно при разсмотрѣніи ряда картъ и измѣненія въ нихъ названій. Современникъ Меркатора, венеціанскій картографъ Гастальдо не могъ не сознавать практической полноты и правды мореходныхъ картъ соотечественниковъ-Итальянцевъ, откуда имъ взяты начертанія береговъ его картъ 1562 и 1568 гг., Польши и Россіи; на нихъ Перекопскій заливъ правильно названъ—Golfo di Nigropoli, но ни города этого имени, ни Каркинита тамъ нѣтъ. Однако, и Гастальдо не могъ вполнѣ отдѣлаться отъ кабинетныхъ разсужденій, и для него казалось неизбѣжнымъ въ глубинѣ залива показать рѣку, что въ портуланахъ не отмѣчалось.

Собравъ всѣ источники, усердно использовавъ показанія портулановъ, Меркаторъ издалъ большую карту Тавриды и окрестныхъ странъ, въ 1595 году. Совершенно избѣгнуть вліянія Птолемея онъ еще не могъ и сохранилъ рѣку въ глубинѣ Перекопскаго залива, а на ней гор. Каркинитъ, но самый Перекопскій Заливъ назвалъ уже по портуланамъ—Golfo di Nigropoli, а такъ какъ логически у залива Нигропольскаго долженъ былъ быть и городъ этого имени, конечно, тоже стоящій на рѣкѣ, то въ Каркинитскую рѣку онъ прибавилъ большой притокъ и на немъ помѣстилъ городъ Нигрополь. Впрочемъ, для нѣкотораго объясненія его пониманія невѣдомой страны, надобно сказать, что двѣ рѣки, впадающія въ заливъ однимъ устьемъ и городъ Каркина, стоящій на нихъ, были ему указаны не только Птолемеемъ, но и П. Мелой, даже назвавшимъ эти рѣки Герромъ и Ипакаромъ [1]); онъ только не разобралъ, что эти показанія относятся не къ Перекопскому заливу, а къ Евпаторійскому, показанному на его картѣ.

Вотъ какими путями удваивались города, создались никогда не бывалые, потекли не существовавшія рѣки, перепутались всѣ названія; опустошенія сѣверныхъ береговъ Чернаго моря и завладѣніе ихъ татарскими ордами повели къ почти совершенному уничтоженію и смѣнѣ мѣстныхъ племенъ, а съ ними и традицій во многихъ названіяхъ. Можетъ быть здѣсь даны излишнія подробности, но я не могъ иначе выяснить выдуманность этихъ картографо-археологическихъ догадокъ, не имѣвшихъ даже и намека на истинность существованія. Все это, столь очевидно ясное при разсмотрѣніи рядовъ картъ, весьма трудно изложить словами. Оно можетъ служить хорошимъ образчикомъ удивительности старинныхъ соображеній, но ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть годнымъ для подтвержденія какого либо историко-географическаго предположенія, безъ всесторонней повѣрки. Изъ

[1]) Помп. Мела, у Латышева, Изв. древн. пис., II, 120.

наслоенія вышеуказанныхъ выдумокъ все же кое что осталось до нашихъ дней:—Перекопскій заливъ сталъ называться Керкинитскимъ, несмотря на его вѣрное византійское названіе, а выдуманное удержалось; Евпаторійскій заливъ, особенно на иностранныхъ картахъ, еще и до сихъ поръ зовутъ—Каламита. Не легко исчезаютъ случайно сдѣланныя ошибки.

Выводъ изъ этого длиннаго объясненія, однако, будетъ тотъ, что для поисковъ Маврокастрона не только внутри Крыма, но и на входѣ въ него, не имѣется какого либо основанія, особенно по старымъ картамъ.

Направлявшіе топарха совсѣмъ въ другую сторону, на Дунай, находили Маврокастронъ въ теперешнемъ Аккерманѣ, чему указаніе получилось изъ написаній на итальянскихъ портуланахъ. Васильевскій, всесторонне защищавшій это направленіе вообще, полагалъ, что названіе Маврокастронъ могло быть дано только Греками, а такъ какъ Аккерманъ на разныхъ языкахъ звался—Бѣлымъ городомъ, то имъ предположено гдѣ то по близости существованія еще и другого города—Черного [1]). Это предположеніе, нѣсколько смутно высказанное и Бруномъ [2]), однако, не помогаетъ, потому что именно карты, и вполнѣ согласно, называютъ именемъ весьма сходнымъ съ Маврокастрономъ не иной какой городъ, а тотъ же самый Бѣлый городъ, напр.: Mocastro Byalogrod, на картѣ Кузана, 1507 года; Moncastro—Bielogorod, у Герберштейна 1549 г. и друг.; Byalogrod altri Moncastro, на картѣ Гастальдо къ изд. Герберштейна, 1550 года; Moncastro nunc Bialogrodum, у Погрàбія, 1570 г., и много другихъ. Но географы все таки путали и даже столь знаменитый какъ Меркаторъ, не только мѣнялъ номенклатуру нашихъ странъ почти сплошь, но на картахъ 1554, 1569, 1572 гг. далъ два разныхъ города—Бѣлгородъ на Днѣстрѣ и Moncastro на берегу моря; этого ему показалось недостаточно и на картѣ 1595 года появились три города, третій тоже Бѣлгородъ, но на Дунаѣ, близъ устья. Буквально такъ—Маврокастронъ, никогда не встрѣчается на картахъ и даже на портуланахъ очень рѣдко; напр.: Дж. да Кариньяно—ок. 1310 г.; П. Весконте—1318 г.; Неизвѣстнаго—1384 г.: Пасквалини—1408 г. На другихъ даны иныя названія того же города, напр.—Maucastro, гдѣ еще можно видѣть сокращеніе перваго; чаще, на большинствѣ, а съ нихъ и на печатныхъ картахъ, до конца XVII вѣка усматривается, какъ и показано выше,—Мокастро или Монкастро, съ многочисленными мелкими разностями этихъ написаній. Въ такомъ положеніи вопроса, г. Вестбергъ полагалъ, что прежде всего слѣдовало бы доказать происхожденіе всѣхъ этихъ названій отъ Маврокастрона, такъ какъ возможно и обратное [3]). Брунъ думалъ

[1]) Васильевскій, Зап. Готск. топ., Труды, II, 192.
[2]) Брунъ, Черноморье, I, 79.
[3]) Вестбергъ, Зап. Готск. топ., Виз. Вр., XV, 109.

видѣть во всѣхъ написаніяхъ лишь искаженіе первоначальнаго—Маврокастронъ, но ничѣмъ этого не доказывалъ[1]. Бурачковъ (по Березину) считалъ, что основная форма была, будто бы, Манкерменъ (хвалимая крѣпость)[2]), но Березинъ читалъ Макъ-керменъ, да и такого названія никто не знаетъ въ примѣненіи къ Аккерману, ни въ какую пору[3]). Самими португанами этотъ вопросъ не рѣшается, такъ какъ древнѣйшіе изъ нихъ до насъ не дошли (XIII вѣка), а дошедшіе представляютъ не столько ученыя работы своего времени, сколько простые чертежи для торговаго мореплаванія, случайно сохранившіеся въ маломъ числѣ, тогда какъ въ свое время и числомъ и разнообразіемъ ихъ было очень много. На самыхъ старыхъ изъ извѣстныхъ, выше показанныхъ, пишется Маврокастронъ, но на большинствѣ португановъ, на всѣхъ картахъ, въ многочисленныхъ документахъ, или въ показаніяхъ путешественниковъ, такое написаніе никогда не встрѣчается, а бываетъ только Монкастро или Мокастро.

Кратко приведя высказанныя мнѣнія и сомнѣнія въ этомъ мелкомъ, но существенномъ вопросѣ, думаю, что онъ можетъ рѣшаться нѣкоторыми документами. Неизвѣстно почему, кто первый и когда, на какомъ языкѣ, назвалъ городъ близъ устьевъ Днѣстра—Бѣлымъ, но всѣ и на всѣхъ языкахъ съ этимъ соглашались. Вездѣ названіе нынѣшняго Аккермана переводное,—рѣдкій случай въ географической номенклатурѣ нашихъ странъ,—онъ у всѣхъ зовется Бѣлымъ городомъ. У насъ—Бѣлгородъ; у Поляковъ—Bialogrod; у Венгровъ—Fejér-vár; у Молдаванъ—Cetate-alba; по латыни его пишутъ—Albo castro или просто—Alba; у нѣмцевъ—Wyssenburg; по турецки и татарски его зовутъ—Акъ-керменъ; по гречески онъ также звался—Ἀσπρόκαστρον[4]). Нѣтъ ни малѣйшаго основанія полагать, что Греки когда либо звали этотъ городъ—Маврокастронъ, слѣдовательно не у нихъ могли заимствовать это названіе нѣкоторые португаны. Указать же, откуда именно получилось на морскихъ картахъ какъ это названіе, такъ и наиболѣе употребительныя Итальянцами Mocastro или—Moncastro, тѣмъ труднѣе, что они совершенно не сходны съ даваемыми Аккерману всѣми народами и языками, но такое противорѣчіе всѣмъ почитаю невѣроятнымъ въ своемъ существѣ, слѣдовательно объясненіе

---

[1]) Брунъ, Черноморье, II, 216.

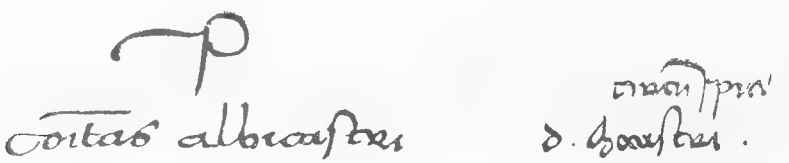
[2]) Бурачковъ, Зап. Готск. топ., 210.

[3]) Брунъ, Черноморье, II, 296. Къ сожалѣнію, по обстоятельствамъ времени, я не могъ провѣрить у самого Березина.

[4]) Const. Porphyr., De prov. regni Byz. Tub. 1846, p. 38—41; Стриттеръ, Mem. popul., Walach., въ 1430 г., II, 912. Въ донесеніи дожу Венеціи о взятіи Кафы въ 1475 году говорится, что турецкому флоту приказано поспѣшно идти въ—Aspro Castro, понимая Аккерманъ; тогда же пишутъ съ о. Хіоса, что турецкому флоту, взявъ Кафу, приказано идти въ Mocastro; по письму Стефана Молдавскаго королю Венгерскому—Alba et Chiliam подвергнутся осадѣ; Vigna, Codice dipl., II, p. 2, 476, 478, 480, 482.

должно искать такъ, чтобы оно оказывалось совсѣмъ въ другой плоскости. Мнѣ кажется, что его можно представить такимъ образомъ.

Когда послѣ паденія Константинополя положеніе итальянскихъ колоній въ Черномъ морѣ стало весьма труднымъ, то правители банка св. Георгія посылали изъ Генуи въ Кафу всяческіе совѣты объ осторожности и умѣренности въ отношеніи всѣхъ своихъ противниковъ въ Черномъ морѣ, которыми считали въ ту пору Турокъ, Татаръ, трапезунтскихъ Грековъ, владыку Ѳеодоро и государя или общину Аккермана. Обыкновенной переписки въ такое время показалось недостаточно и къ посылаемымъ распоряженіямъ изъ Генуи присоединяли шифры (извѣстно четыре) для тайной переписки; въ этихъ шифрахъ, гдѣ, разумѣется, требовалась особенная, безусловная точность и ясность, всѣ эти враги и соперники называются какимъ либо словомъ или знакомъ, различнымъ въ каждомъ шифрѣ, но въ пояснепіяхъ тайныхъ обозначеній городъ Аккерманъ вездѣ зовется не иначе, какъ—Albo castro. Хотя шифры и письма при нихъ писаны по латыни, но столь понятное каждому итальянцу названіе показываетъ, что и для нихъ также, какъ и для всѣхъ, основное названіе Аккермана было всегда и только—Бѣлый городъ. Упомянутые четыре шифра напечатаны въ видѣ факсимиле и чтеніе названія города въ нихъ вполнѣ ясно и внѣ сомнѣнія, но въ тутъ же напечатанной перепискѣ, съ препровожденіемъ шифровъ, да и во всякой другой, до самаго конца колоній въ Крыму, весьма часто упоминаемый Аккерманъ всегда зовется не иначе, какъ—Мокастро или Монкастро[1]). Такимъ образомъ, случайное начертаніе—Маврокастронъ, португланы не могли узнать на мѣстѣ, не могли заимствовать у Грековъ, не знавшихъ его, не могли сознательно выдумать греческое названіе въ противоположность всѣми употребляемому, ими также, какъ и Греками. Объясненіе этой странности, какъ мнѣ кажется, получается изъ приводимыхъ шифровъ. Тогда писали однообразнымъ и неяснымъ готическимъ шрифтомъ; имъ писаны и шифры, изъ которыхъ отъ двухъ представляю факсимиле, нѣсколеко увеличенные, названія города (прочіе два тождественны съ первымъ, по написанію имени города).



Если не особенно близко всматриваться, даже и въ первомъ (civitas albicastri), а тѣмъ болѣе въ менѣе четкихъ написаніяхъ, какъ

[1]) Vigna, Codice dipl., I, 832—833, II, p. 1, 872.

второе (d. (ominus) albocastri), первыя три буквы легко принять за прописное M и все слово прочесть какъ—Mocastro. Не знаю, какъ именно писалось въ тѣхъ рукописяхъ, съ которыхъ даны печатныя изданія, но мнѣ кажется, что именно такія случаи дали поводъ судовщикамъ и чертежникамъ картъ къ сокращенному чтенію и написанію; отсюда и пошли всяческія измѣненія, межъ которыми нашлось и—Maurocastron, данное какимъ либо картографомъ, знавшимъ по гречески и надумавшимъ осмыслить непонятное слово, относящееся къ неизвѣстному ему городу въ незнакомомъ краю. Примѣнить особое названіе, ничего не выражающее, къ Бѣлому городу было тѣмъ легче, что его названіе звучало весьма различно, смотря по языку и—Монкастро могло счесться основнымъ на какомъ либо невѣдомомъ языкѣ,—города, имѣвшаго свое у всякаго народа. Этимъ путемъ такое названіе и установилось прочно, надолго удержавшись. Позже и его стали осмысливать. Напр., на картѣ Польши въ переводѣ Птолемея у Мюнстера, 1540 г. и въ его космографіяхъ, столь распространенныхъ на всѣхъ языкахъ (чертежи давались съ тѣхъ же досокъ), читается—Nester alba; очевидно кабинетный ученый подумалъ, что непонятное —Mocastro происходитъ отъ имени рѣки Днѣстра и исправилъ его. а для поясненія тутъ же на картѣ прибавлено къ написанію- Wy. senburg-Byalogrod (знакъ вродѣ герба справа этой карты надъ Крымомъ есть, очевидно, золото-ордынская, ханская тамга). Французы названіе—Монкастро осмыслили въ—Mont Castro (на картѣ Делиля). По времени, эти представленія упрочились и Делиль и Оттенсъ, послѣдній повторяя и улучшая карту Тезинга, пополняя ее гораздо болѣе ранними свѣдѣніями, написали у города цѣлое объясненіе — Akkirman ou (als) Bialogrod, Ville Blanche nommée cidevant (appellée autrefois) Moncastro.

Всѣмъ этимъ доказывается сдѣланное выше замѣчаніе о признаніи непонятности слова—Монкастро, даже для ученыхъ картографовъ, предполагавшихъ въ немъ основное названіе города, а сдѣланныя осмысленія этого слова показываютъ, что хотя объяснить его и не умѣли, но никто не зналъ и не понималъ его происходящимъ отъ Маврокастрона, Чернаго города.

Можетъ быть сдѣланное объясненіе не особенно удачно, но я не въ состояніи придумать что либо лучшее, могущее показать, почему только одни Итальянцы, хотя и знали значеніе названія Аккермана—Бѣлый городъ и соотвѣтственно назвали его по латыни, но на своемъ языкѣ названія, согласованного со всѣми—Citta alba, никогда не употребляли, а вмѣсто того писали названіе никому не понятное. Конечно, теперь нельзя думать, какъ въ доброе старое время, о томъ что Генуэзцы владѣли Аккерманомъ; этого не только никогда не было, но даже никакой факторіи или мелкаго торговаго консула ихъ тамъ не бывало; болѣе того, они находились съ этимъ городомъ и Молдавскими господарями въ натянутыхъ и даже явно враждебныхъ отно-

Государств. публичная историческая библиотека РСФСР

шеніяхъ; однако, все же они этотъ городъ знали, остерегались его, торговали въ немъ, отмѣчали его на портуланахъ, значитъ простымъ незнаніемъ никакъ нельзя объяснить такого удивительнаго обстоятельства, какъ отказъ отъ всеобщаго, легкаго и понятнаго названія и придачу ему непонятнаго имени.

Изъ всего приведеннаго выше можно заключить, что топархъ, указывая Маврокастронъ, послѣ переправы черезъ Днѣпръ, не могъ этимъ подразумѣвать направленія ни на Кара-су-базаръ, ни на Аккерманъ, по дальности этихъ городовъ отъ мѣста переправы и по непримѣненію къ нимъ такого названія. Во время топарха первый изъ этихъ городовъ еще не существовалъ, а позже никогда не звался Маврокастрономъ; второй хотя уже и былъ, но носилъ такое имя случайно, по недоразумѣнію, и единственно на нѣкоторыхъ морскихъ картахъ, портуланахъ, а не въ дѣйствительности; и на такихъ картахъ это имя извѣстно не ранѣе самихъ портулановъ, т. е. начала XIV вѣка. Такимъ образомъ, эти оба предположенія приходится оставить, но слѣдъ имени города, указаннаго топархомъ, возможно найти въ иномъ мѣстѣ.

Поиски Маврокастрона у Перекопа не оправдываются, но нѣчто подобное есть около этихъ мѣстъ. Выше говорилось, что на картахъ Гастальдо (1562 и 1568 гг.) нѣтъ города Нигрополя у Перекопскаго залива, но съ подходящимъ названіемъ—Нигропонъ (Nigropon), показанъ городъ гораздо выше Перекопа, на рѣкѣ Конкѣ, до впаденія ея въ Днѣпръ. Портуланы этого города не знаютъ, какъ и вообще вглубь страны почти все оставляютъ неизвѣстнымъ; слѣдовательно Гастальдо о его существованіи узналъ изъ какихъ либо иныхъ, мѣстныхъ источниковъ. На картѣ Меркатора, 1595 года, также показанъ Нигропонъ, на томъ же мѣстѣ, какъ у Гастальдо сверхъ Нигрополя близъ теперешняго Перекопа. Неизвѣстный авторъ компиляціи—Tractatus de Tartaris Praecopensis, писавшій около конца XVI в., въ числѣ татарскихъ городовъ называетъ и Нигрополь, показывая его лежащимъ внѣ Перекопа, въ сторону береговъ Днѣпра [1]). Это извѣстіе тоже взято изъ мѣстныхъ, вѣроятно, польскихъ источниковъ. Значитъ для края между Перекопомъ и Днѣпромъ есть два ряда указаній на какія то Черныя поселенія: одинъ выдуманъ, какъ послѣдствіе осмысленія византійской Некропила, а другой имѣетъ своимъ источникомъ чисто мѣстныя справки. Пріурочивая послѣднія, надобно вспомнить, что на прямомъ пути между Таванью (Каховкой) и Перекопомъ есть урочище, понынѣ называемое Черной долиной (огромное имѣніе, около сорока тысячъ десятинъ, гр. Мордвинова), а не подалеку отъ него и село Черненькое. Это урочище издавна извѣстно и всегда служило мѣстомъ роздыха, по обилію воды и пастбищъ, во всякихъ походахъ въ направленіи отъ Днѣпра къ Перекопу. Походъ Миниха

[1]) Russia seu Moscovia it. Tartaria, ed. 1630, 220.

на Крымъ шелъ черезъ это мѣсто, гдѣ было и значительное дѣло съ Татарами. Походы первой Екатерининской войны съ Турками всѣ шли много лѣтъ на эту же долину, гдѣ тогда и былъ построенъ значительный ретрашаментъ—Шангирейскій, въ которомъ часто бывали большія скопленія войскъ.

Названіе Черной долины на картахъ впервые появляется на картѣ Брюса и Менгдена, изд. Тезингомъ въ 1699 году, затѣмъ оно читается на многихъ позднѣйшихъ; данное по свойству мѣстности—великолѣпный, глубокій черноземъ, оно говорилось по своему въ переводѣ на разныхъ языкахъ; напр. у Татаръ долина звалась Карадере (карта Риччи Занони); на европейскихъ картахъ, французскихъ и нѣмецкихъ ее также показывали въ переводѣ [1]). Здѣсь же, конечно была и Кара-мечеть (Черная мечеть), у которой дѣлили ясырь, а не у Конскихъ водъ, для чего Татарамъ надо было бы удалиться въ сторону отъ ихъ пути [2]). Вѣроятно въ этомъ предположеніи сказалось указаніе Гастальдо, помѣстившаго свой Нигропонъ на Конской водѣ, но наиболѣе вѣроятно, что и это показаніе Гастальдо и подобное ему автора Tract. de Tart. Prec., относятся къ той же Черной долинѣ, которой не могъ миновать никто, идущій по пути [illegible]. Сюда же надобно относить и нѣкоторыя указанія татарскихъ и [illegible] никовъ о Кара-керменѣ (Черная крѣпость) вовсе не подходящія къ Очакову, какъ замѣчаетъ проф. Смирновъ, куда думаютъ [illegible] рочивать [3]).

Все сказанное даетъ право здѣсь же видѣть и Мас[illegible]ъ топарха, предполагая, какъ то естественно дум[illegible] ночлеговъ, водопоя и пастбищъ отъ степныхъ коч[illegible] высокой важности мѣстѣ главнаго пути, какимъ оказ[illegible]ся Черная долина, было построено временное укрѣпленіе, острогъ. Отъ Тягини (Боріона), долина находится какъ разъ въ одномъ пе[illegible], около двадцати пяти верстъ; естественно было топарху указать [illegible]правленіе на нее, какъ на ближайшее, обезпеченное мѣсто остано[illegible]. Отсутствіе въ этихъ мѣстахъ камня, побуждало сооружать укрѣпленіи изъ земли и дерева, а это не долговѣчные и не показные матеріалы. Вѣроятно поэтому не приходилось слышать о нахожденіи слѣдовъ подобныхъ сооруженій въ Черной долинѣ.

„Записка“ топарха и объясненіе свое и значеніе получаетъ въ путяхъ исторіи, но если видѣть въ ней описаніе путешествія по югу Россіи, съ переправой черезъ Днѣпръ, въ чемъ нельзя сомнѣваться, а тѣмъ болѣе направлявшееся изъ Кіева въ Крымъ, то смѣю думать,

---

[1]) Старыя извѣстія о Черной долинѣ собраны у Бруна (Черноморье, II, 48—49). Ихъ можно дополнить показаніями многихъ старыхъ картъ, но такъ какъ они также не идутъ далѣе XVII вѣка, то ничего и не прибавятъ къ сказанному.

[2]) Эварницкій, Ист. запорож. козак., I, 407.

[3]) Смирновъ, Кр. ханство, 345.

что топографическая часть описанія, сама переправа, положеніе Боріона и Мавракастрона, съ точностью въ общемъ смыслѣ и въ мелкихъ подробностяхъ, находятся на томъ самомъ исконномъ пути, миновать который не могло представиться разумнаго основанія ни въ какую пору. Въ такомъ объясненіи этой части „Записки“ быть можетъ и историкъ найдетъ опору.

А. Л. Бертье-Делагардъ.

6-го октября 1914 года.
Г. Ялта.

Изъ культурной жизни греческихъ колоній на югѣ Россіи.

Посѣтившій въ первомъ вѣкѣ нашего лѣтосчисленія югъ Россіи риторъ Діонъ Хрисостомъ въ своей 36 ой рѣчи оставилъ самое яркое доказательство того, какъ высоко стояла культурная жизнь хотя бы въ Ольвіи. Бесѣда съ однимъ изъ мѣстныхъ жителей показала Діону, что здѣсь почти всѣ жители знали наизусть Иліаду (§ 10). Были среди жителей этого города почитатели и Платона (§ 26). Такимъ образомъ Діонъ могъ съ радостью убѣдиться, что наряду съ нѣкоторыми отрицательными свойствами греческихъ нравовъ (§ 8) жители этого города усвоили и лучшія стороны греческой образованности. Если даже и предположить, что явившись къ намъ на югъ Россіи послѣ жестокаго разочарованія въ Римѣ [1]), Діонъ былъ склоненъ преувеличивать достоинства жителей далекой окраины по сравненіи съ такъ сильно обманувшими его надежды дѣятелями Рима, то во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, и современная ему Ольвія была не бѣдна просвѣщенными людьми, подобно тому какъ за нѣсколько вѣковъ до Діона изъ той же Ольвіи вышли писатели, занявшіе видное мѣсто среди дѣятелей греческой философской мысли. Обзору ихъ дѣятельности недавно посвящена обстоятельная работа Д. С. Спиридонова: Уроженцы сѣвернаго побережья Чернаго моря въ исторіи древнегреческой мысли [2]).

Изъ этихъ писателей наиболѣе прославились современникъ Александра Великаго Біонъ, и жившій на столѣтіе послѣ него Сферъ. Сочиненія Біона имѣли очень широкое распространеніе и оказывали вліяніе на самыя разнообразныя стороны древней литературы; его знаетъ Горацій (Ep. II. 2. 60) и часто ссылается на него Плутархъ [3]).

Сферъ отличался разнообразіемъ содержанія своихъ сочиненій, весьма многочисленныхъ: по философіи, грамматикѣ, государственному праву, естествознанію, причемъ Цицеронъ ставитъ очень высоко его умѣніе давать точныя опредѣленія (Tusc. Disp. IV § 53).

Очень знаменательно однако, что ни Біонъ, ни Сферъ, не остались на родинѣ, а покинули ее для другихъ болѣе крупныхъ мѣстъ греческаго просвѣщенія. Напримѣръ, Сферъ занимался учительствомъ въ Лакедемонѣ (Плутархъ. Жизнь Клеомена 2), и былъ въ Александріи при дворѣ Птолемея (Athen. 354 e). При этомъ онъ не замыкался въ рамкахъ одной только преподавательской дѣятельности, а принималъ большое участіе и въ общественной жизни Спарты. Этимъ только можно объяснить, почему Керкидъ счелъ нужнымъ упомянуть о немъ въ своихъ „Меліямбахъ“, какъ это доказалъ ихъ отрывокъ,

---

[1]) *А. И. Сонни.* Къ характеристикѣ Діона Христостома. Фил. Обозр. XIV (1898), 24.

[2]) Извѣстія Ученой Арх. Комиссіи, 1918, № 54, стр. 187—233.

[3]) Полный списокъ цитатъ изъ Біона у древнихъ авторевъ у *Otto Hense*, Teletis reliquiae. 2 изд. Тюбингенъ 1909 стр. 100—102.

найденный среди Оксиринхскихъ папирусовъ (Oxyr. Pap. VIII. № 1082 fr. 5 v. 4).

Киникъ Керкидъ былъ уроженцемъ Мегалополиса и англійскіе издатели этого папируса полагаютъ, что онъ ввелъ въ свою сатиру Сфера, какъ человѣка близко стоявшаго къ тому самому Клеомену, который разорилъ его родной городъ (Plut. Cleom. 12)[1]). Если ему не нашлось мѣста для дѣятельности на родинѣ, то это невольно наводитъ на мысль, что для ученой и литературной дѣятельности тогда еще вовсе не было надлежащей почвы въ такихъ мѣстахъ вывозной торговлю[2]), какими тогда служили прежде всего греческія поселенія на берегахъ Чернаго моря. Любопытна и едва ли случайна еще одна подробность. Тотъ же самый Сферъ обнаружилъ большій интересъ къ различнымъ сторонамъ государственнаго строя многихъ городовъ. Напримѣръ свое пребываніе въ Лакедемонѣ онъ использовалъ для изученія образа тамошняго правленія и написалъ по этому вопросу сочиненіе въ нѣсколькихъ книгахъ; Аѳиней (141 с.), напримѣръ, дѣлаетъ выписку изъ третьей книги этого труда, причемъ оно отличалось такой обстоятельностью, что даже Плутархъ пользовался имъ для своей біографіи Ликурга (гл. 5). Между тѣмъ о своей родинѣ и ея устройствѣ онъ ничего не написалъ. Уже одна четвертая книга Геродота достаточно показываетъ, что сочиненіе такого рода должно было бы отвѣтить запросамъ греческихъ читателей и если Сферъ не выполнилъ такой работы, то это должно свидѣтельствовать только, какъ слабы были его личныя связи съ родиной. И Біонъ и Сферъ по духу своему были люди совершенно чуждые для Ольвіи, и это косвенно опять свидѣтельствуетъ какъ бы о томъ, что современная имъ Ольвія была въ духовномъ отношеніи мало похожа на ту, которой восторгается Діонъ Хрисостомъ.

Счастливая находка въ Херсонесѣ дала намъ очень любопытныя свѣдѣнія о мѣстномъ писателѣ Сирискѣ сынѣ Гераклида, писавшемъ о явленіяхъ Дѣвы и объ отношеніяхъ Херсонеса къ Боспорскимъ царямъ[3]).

Первыя одиннадцать строкъ этой надписи давно были уже изданы по очень неточному эстампажу В. Н. Юргевичемъ[4]). Но имя Сириска удалось въ ней установить лишь В. В. Латышеву при переизданіи ея въ своемъ сборникѣ[5]). Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ же допускалъ возможность, что Сирискъ былъ Танаптянинъ. Австрійскій ученый Адольфъ Вильгельмъ призналъ въ этомъ Сирискѣ писателя[6]). Теперь

---

[1]) ibid. p. 23 и 58.

[2]) *F. v. Duhn.* Pompeii, Лейпцигъ, 1906, стр. 5. *Ю. А. Кулаковскій.* Прошлое Тавриды. СПБ. 1914 стр. 13 второго изданія.

[3]) *Р. Х. Леперъ.* Херсонесскія надписи. Изв. Имп. Арх. Комиссіи 1912 № 45 стр. 45—49.

[4]) Древнія греческія надписи, найденныя въ Керчи, Анапѣ и Херсонисѣ, въ 1880. Зап. Одес. Общ. XII 1881, стр. 221.

[5]) Ios. PE. I № 184 p. 173.

[6]) Arch.-epigr. Mittheil. aus Oesterreich. XX. 1897, № 13 p.p. 171—172.

новая находка уяснила нѣсколько общій характеръ его сочиненія, въ которомъ шла рѣчь о явленіяхъ богини Дѣвы, покровительницы Херсонеса [1]). Оно было правдиво и благожелательно для Херсонеса (см. строки 6, 19—20) и потому по предложенію Гераклида, сына Парменонта, Сириску были сказаны почести во время праздника Діонисій въ видѣ возложенія на него вѣнка и воспроизведенія почетнаго постановленія на каменной плитѣ возлѣ храма Дѣвы (стр. 22—24). Постановленіе это относится къ III вѣку до Р. Х., какъ это доказалъ В. В. Латышевъ.

Свою работу Сирискъ прочелъ Херсонесцамъ (стр. 4), подобно тому, какъ въ еще императорскомъ Римѣ въ театрѣ читали лѣтописи Эннія (Авлъ Геллій XVIII, 5, 27). Было высказано предположеніе, будто работа Сириска представляла собой „изложеніе всѣхъ случаевъ чудеснаго проявленія своей силы богинею“ [2]), но въ дѣйствительности изъ надписи вовсе не виденъ такой исчерпывающій характеръ этой работы. Ее необходимо сопоставлять съ линдійской надписью съ Родоса отъ 99 г. до Р. Х., гдѣ разсказывается обстоятельно о трехъ чудесныхъ явленіяхъ Линдійской Аѳины [3]), причемъ въ надписи указано, что про первое явленіе упоминали многіе писатели: „объ этомъ разсказываетъ Евдемъ въ исторіи Линда, Эргій въ 4 книгѣ своей исторіи, Полизелъ въ 4 книгѣ своей исторіи, Іеронимъ во 2 книгѣ исторіи потомковъ Геліоса, Миронъ въ 3 книгѣ похвальнаго слова въ честь Родоса, Тимокритъ въ 1 книгѣ своей хроники, Гіеронъ въ 1 книгѣ сочиненія о Родосѣ Ксенагоръ же въ 4 книгѣ своей хроники говоритъ, что явленіе богини было, но что Датисомъ (противъ Родоса) былъ посланъ Мардоній. О явленіи богини говоритъ также и Аристіонъ въ книгѣ .. своей хроники“. О второмъ явленіи также были литературныя свидѣтельства: о немъ писали тѣ же „Эвдемъ въ исторіи Линда, Тимокритъ въ 3 книгѣ хроники, Ксенагоръ въ .. книгѣ хроники, Ономастъ во 2 книгѣ хроники, Аристонимъ въ хронологическомъ изборникѣ“. Нужды нѣтъ, что большая часть этихъ писателей намъ вовсе неизвѣстна [4]), и всетаки изъ этихъ данныхъ Линдійской надписи ясно, что о такихъ явленіяхъ богинь различные писатели могли говорить въ самой различной связи. Въ сочиненіяхъ историческихъ такіе разсказы могли составлять тѣ вставки, которыя по свидѣтельству Лукіана (de consc. histor. 9), поздніе греческіе историки вносили въ свои труды для того, чтобы они вмѣщали въ себѣ и нѣчто услаждающее. Но попадались разсказы о такихъ явленіяхъ и въ риторическихъ сочиненіяхъ въ родѣ похвальнаго слова Родосу Мирона. Отсюда возникаетъ пред-

[1]) объ этомъ культѣ см. *В. Н. Юргевичъ*. Тамъ-же стр. 36—37 и *В. В. Латышевъ*. Сборникъ статей въ честь В. П. Бузескула. Харьковъ 1914, стр. 206—211.

[2]) *М. И. Ростовцевъ*. Записки Одес Общ. Исторіи и Древн. 32. (1915), стр. 62.

[3]) См. *С. А. Жебелевъ*. Явленіе Аѳины Линдійской. Сборникъ въ честь Ѳ. А. Брауна, СПБ. 1915, стр. 23—30.

[4]) См. *С. А. Жебелевъ*, стр. 25, прим. 1.

положеніе, что можетъ быть и херсонеская надпись имѣетъ въ виду не два различныхъ, но одно сочиненіе Сириска о мѣстной исторіи. Гераклидъ сынъ Парменонта имѣлъ основаніе изъ этого общаго труда особо выдѣлить и помянуть въ первую голову отдѣлъ, гласившій о явленіяхъ Дѣвы для того, чтобы обосновать помѣщеніе почетнаго постановленія въ честь Сириска подлѣ храма Дѣвы (стр. 23). Но если это только догадки, то сравненіе съ Линдійской надписью ясно показываетъ, что, описывая явленіе Дѣвы, Сирискъ вовсе не стоялъ одиноко въ рядахъ греческихъ писателей, а наоборотъ шелъ въ данномъ случаѣ рука объ руку съ цѣлымъ рядомъ самыхъ разнообразныхъ писателей, слѣдуя при этомъ обычному пріему болѣе раннихъ историковъ Греціи. Уже этого казалось достаточнымъ, чтобы при теперешней скудости нашихъ свѣдѣній о Сирискѣ повременили возводить къ его именно труду цѣлый рядъ разсказовъ другихъ писателей, безъ малѣйшихъ на то прямыхъ указаній. Сирискъ не самъ выдумалъ вводить въ свое повѣствованіе разсказъ о явленіяхъ богини, и нѣтъ никакихъ данныхъ, чтобы онъ самъ создалъ новое направленіе въ области исторіографіи. Такая задача была ему не по плечу. Поэтому, если у Поліэна или какого-нибудь другого поздняго историка попадаются въ разсказахъ о дѣятеляхъ этихъ мѣстъ подробности чудеснаго характера, то осторожнѣе въ этомъ видѣть особенность, общую тогдашней исторіографіи вообще, а не ставить это на счетъ одному Сириску или „боспорской“ исторіографіи, для опредѣленія которой, пока, кромѣ смѣлыхъ догадокъ, другого матерьяла не имѣется. Во всякомъ случаѣ по одной надписи Сириска говорить не только о мѣстной исторіографіи, но и утверждать будто „она несомнѣнно, особенно поощрялась въ Боспорскомъ царствѣ“ [1]) какъ будто бы немножко рановато.

Какъ бы то ни было, для Херсонеса и Боспора трудъ Сириска имѣлъ первостепенную вижность. И всетаки самъ Сирискъ остался совершенно не извѣстенъ и писатели древніе, такъ охотно выписывавшіе Біона и Сфера, о немъ упорно молчатъ. Это сопоставленіе наводитъ на мысль, что для того, чтобы въ эллинистическую пору составить себѣ литературное имя и обезпечить широкій кругъ читателей своему труду, писателю надо было покидать берега Чернаго моря и переселяться въ мѣста болѣе людныя. Это подтверждаетъ лишній разъ давнее наблюденіе А. С. Лаппо Данилевскаго [2]), что изъ сочетанія варварскаго быта съ греческимъ не вышло подлиннаго соединенія. Поэтому „когда ослабѣлъ притокъ греческихъ силъ изъ метрополій, а на грековъ-колонистовъ между тѣмъ со всѣхъ сторонъ нахлынули племена варваровъ, искусственно выращенная образованность, какъ казалось, пустившая здѣсь довольно глубокіе корни, не выдержала и рухнула“. *Б. Варнеке.*

[1]) *М. Ростовцевъ.* Сборникъ въ честь Н. И. Карѣева СПБ. 1914, стр. 198.
[2]) Матерьялы по археологіи Россіи. № 13. 1894, стр. 118.

Нѣсколько фактовъ изъ исторіи русской колонизаціи Новороссіи въ началѣ XIX в.

Посвящается Александру Львовичу Бертье-Делагарду.

„Ежели иностранные переселенцы при переходахъ и при водвореніи толико отъ казны вспомоществуясь, пользуются обильною льготою, то весьма заслуживаютъ нѣкоторое облегченіе внутренніе наши переселенцы".

Герц. Ришелье.

Исторія заселенія Новороссійскаго края русскими колонистами и пришельцами представляетъ собою вопросъ высокой важности и научнаго и общественнаго интереса какъ своею частною-мѣстною стороной, такъ и общимъ своимъ значеніемъ. Съ одной стороны вопросъ о русской колонизаціи Новороссіи при своемъ разрѣшеніи даетъ цѣнныя указанія на роль русскаго народнаго элемента въ дѣлѣ приведенія южно-русскихъ степей въ болѣе или менѣе культурное состояніе и въ дѣлѣ созданія основного фона и главныхъ силъ для подъема политическаго и экономическаго значенія недавно освоеннаго Россіей малонаселеннаго и культурно-нетронутаго края. Съ другой стороны исторія формъ, размѣра и судьбы русскаго колонизаціоннаго потока, направленнаго въ Новороссію, есть лишь одинъ моментъ, одно слагаемое въ исторіи русскихъ передвиженій, въ исторіи общерусскаго колонизаціоннаго процесса, который всегда составлялъ одну изъ характернѣйшихъ и значительнѣйшихъ особенностей въ развитіи и судьбѣ русскаго народа. Если мы будемъ имѣть въ виду, сверхъ того, что русское правительство принимало постоянное участіе въ управленіи, направленіи и обезпеченіи переселенцевъ и побужденіи ихъ къ переходамъ, руководствуясь въ этомъ случаѣ извѣстнымъ колонизаціоннымъ планомъ, то ясно, что русскій колонистъ, покидавшій—по вызову правительства или самопроизвольно—свои родныя мѣста и отцовскіе дома ради приближенія къ „Теплому морю" и осѣданія въ степяхъ Новороссіи,—заслуживаетъ самаго серіознаго вниманія во всѣхъ деталяхъ и обстоятельствахъ своей жизни и дѣятельности со стороны историка.

Затронутый вопросъ не разъ привлекалъ вниманіе лицъ, для которыхъ было важно выяснить участіе русскаго элемента въ созданіи новороссійскихъ поселеній или общій характеръ русской колонизаціонной политики. Однако нужно сказать, что во всю широту указанная задача поставлена не была, хотя литература о колонизаціи Новороссіи и не можетъ быть признана недостаточной и слабой. Иноземнымъ колонистамъ въ этомъ случаѣ было оказано больше вни-

манія, нежели русскимъ, что объясняется въ значительной мѣрѣ различіемъ судьбы этихъ двухъ элементовъ колонизаціи, изъ коихъ одинъ проникалъ на территорію Новороссіи главнымъ образомъ при посредствѣ власти, другой же въ значительной степени былъ предоставленъ собственной инціативѣ и не могъ оставить въ дѣлопроизводствѣ мѣстныхъ и центральныхъ установленій полныхъ и опредѣленныхъ указаній и свѣдѣній. Чѣмъ бы ни объяснялось, однако, такое различіе судьбы русскихъ и иноземцевъ въ научной литературѣ, важно отмѣтить, что этому соотвѣтствуетъ и дѣйствительная исторія этихъ двухъ колонизаціонныхъ источниковъ. Еще сто съ лишнимъ лѣтъ назадъ внимательный наблюдатель профессоръ de-Gouroff—Дегуровъ подчеркивалъ необходимость уравнять и русскихъ и иностранныхъ колонистовъ въ отношеніи льготъ и опеки со стороны правительства, которое между тѣмъ допускало рѣшительное покровительство послѣднимъ и постоянное пренебреженіе интересами и первѣйшими потребностями первыхъ. Заканчивая свою книжку „De la civilisation des Tatars-nogais dans le midi de la Russie Européenne“ (1816 г.) Дегуровъ высказываетъ слѣдующія не разъ цитировавшіяся уже мысли: „a cette occasion qu'il me soit permis d'exprimer un voeu—c'est que les Colons Russes jouissent de la protection particulière accordée aux Colons étrangers, et d'une partie de leurs privilèges. Ils ne viennent pas, il est vrai, comme ceux-ci, chercher une nouvelle patrie et se soumettre à de loix étrangères. Mais transplantés du nord au midi, ou d'une province dans une autre parcequ'ils ne pouvaient plus subsister dans le lieu où ils étaient, ils ont nécessairement besoin de secours extraordinaires. Je sais qu'ils jouissent pendant deux ou trois ans de certaines exemptions. Mais pourquoi ne leur ferait-on pas des avances en bestiaux, en instrumens aratoires, en argent pour se bâtir de chaumières? Ils les rembourseraient certainement avec non moins d'exactitude que les italiens, les allemands et les Juifs. Pourquoi encore ne les placerait-on pas, et c'est ici l'essentiel, sous l'administration du bureau des colonies? Les soustraire pendant cinq ans, pas exemple, à l'autorité de capitaines de district (исправникъ) et à certaines contributions qu'il serait inutile de nommer, serait déja un grand bienfait“ (стр. 96—7 и сл.)[1]).

Хорошо извѣстно, какое высокое и исключительное значеніе придавало русское правительство XVIII и начала XIX столѣтій нѣмецкой, болгарской и иной иноземной колонизаціи, исходя изъ общихъ сопоставленій успѣховъ сельско-хозяйственной, огороднической и др. культуръ у насъ и за границею и отдавая рѣшительное преимущество иностранцамъ. Однако при проведеніи въ жизнь неравномѣрнаго вниманія къ потребностямъ послѣднихъ и русскихъ, отъ переселенія которыхъ въ Новороссію правительство все же не отка-

[1]) По русски см. *Багалѣй*, Колонизація Новороссійскаго края и первые шаги его по пути культуры. Отт. изъ „Кіевской старины“, К. 1889, 69—70 стр.

зывалось, неизбѣжно было обнаружить переоцѣнку хозяйственныхъ способностей и силъ однихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ одинаковую нужду и необходимость,—а затѣмъ и одинаковое право тѣхъ и другихъ—въ поддержкѣ, ссудахъ, льготахъ, освобожденіяхъ отъ повинностей и т. п. Такой участникъ проведенія русской колонизаціонной политики, какъ А. М. Фадѣевъ, бывшій въ составѣ и во главѣ новороссійской конторы иностранныхъ поселенцевъ въ Екатеринославѣ и въ „попечительномъ комитетѣ" въ Одессѣ въ періодъ отъ 1815 по 1835 годъ, въ своихъ „Воспоминаніяхъ" отмѣчаетъ, что „правительство поступило весьма благоразумно, исключивъ въ послѣднее время изъ числа льготъ, даруемыхъ иностраннымъ переселенцамъ, освобожденіе отъ военной повинности: это преимущество, говоритъ Фадѣевъ, возбуждало главнѣйшее сѣтованіе сосѣднихъ съ нѣмецкими колонистами русскихъ поселянъ" [1]), которые негодовали по поводу разныхъ льготъ нѣмцамъ, считая ихъ „какою то привилегированною кастою людей" [2]). Такую неравномѣрность правительственнаго вниманія признавалъ ошибочной и герцогъ Ришелье, какъ будетъ указано ниже.

Вспомнимъ тѣ разговоры, какіе возбудилъ въ обществѣ Павелъ Ивановичъ Чичиковъ своею покупкою крестьянъ на выводъ въ Херсонскую губернію:

— „Конечно,—говорили иные,—это такъ, противъ этого и спору нѣтъ: земли въ южныхъ губерніяхъ, точно, хороши и плодородны; но каково будетъ крестьянамъ Чичикова безъ воды? Рѣки вѣдь нѣтъ никакой.

— Это бы еще ничего, что нѣтъ воды; это бы ничего, Степанъ Дмитріевичъ, но переселеніе-то—ненадежная вещь. Дѣло извѣстное, что мужикъ: на новой землѣ, да заняться еще хлѣбопашествомъ, да ничего у него нѣтъ,— ни избы, ни двора—убѣжитъ, какъ дважды два, навострить такъ лыжи, что и слѣда не отыщешь.

— Нѣтъ, Алексѣй Ивановичъ, позвольте, позвольте, я не согласенъ съ тѣмъ, что вы говорите, что мужикъ Чичикова убѣжитъ. Русскій человѣкъ способенъ ко всему и привыкаетъ ко всякому климату. Пошли его хоть въ Камчатку, да дай только теплыя рукавицы, онъ похлопаетъ руками, топоръ въ руки, и пошелъ рубить себѣ новую избу".

Эта бесѣда, въ которой ни по формѣ, ни по содержанію нѣтъ ничего фантастическаго и преувеличеннаго, совершенно правильно подчеркиваетъ, что русскій поселенецъ переводимый ли помѣщикомъ или же правительствомъ - встрѣчаетъ въ Новороссіи при своемъ первоначальномъ поселеніи—*отсутствіе воды въ видѣ рѣки, отсутствіе избы и двора.* Какія бы могучія силы и способности ни таились въ

---

[1]) Воспоминанія Андрея Михайловича Фадѣева,—1790—1867 гг. Одесса, 1897 ч. I, стр. 48.

[2]) Ibid., 115.

русскомъ мужикѣ, какъ бы геройски не преодолѣвалъ онъ тягости новой для него жизни въ Камчаткѣ или гдѣ въ иномъ мѣстѣ, но непремѣннымъ условіямъ его успѣха могутъ быть—*освобожденіе* переселенца отъ всевозможныхъ повинностей и обложеній на срокъ его первыхъ работъ по обстройкѣ, устройству колодцевъ и т. п., и *помощь* на это время матеріалами, рабочимъ скотомъ и сельско-хозяйственнымъ инвентаремъ въ томъ или иномъ размѣрѣ и провіантомъ и фуражемъ для людей и ихъ помощниковъ животныхъ. Эта простая въ сущности истина, хорошо извѣстная правительству, когда вопросъ шелъ о заселеніи той или иной округи иноземцами, теряла для него значительную долю своей ясности и убѣдительности, когда происходило переселеніе русскихъ земледѣльцевъ — даже казенныхъ же крестьянъ—въ Новороссію.

Нужно прежде всего имѣть въ виду то обстоятельство, что переселяемые или же переселяющіеся по предложенію правительства жители, ликвидируя свои личныя и имущественныя связи на прежнихъ мѣстахъ, прибываютъ на новыя сплошь да рядомъ или и всегда послѣ труднаго преодолѣнія разстоянія между старымъ и новымъ мѣстожительствомъ съ семьею и скарбомъ своимъ. Самый фактъ переселенія, такимъ образомъ, имѣетъ извѣстныя неблагопріятныя слѣдствія для быстраго извлеченія изъ новыхъ условій жизни всѣхъ ихъ выгодъ и благъ для собственной жизни и участія въ уплатѣ и отбыванію государственныхъ повинностей. Мы не знаемъ условій и обстоятельствъ переселеній отдѣльныхъ колонистовъ или небольшихъ группъ, но картины массовыхъ переселеній въ общихъ итогахъ и послѣдствіяхъ отчасти отобразились въ описаніяхъ и отчетахъ. Если единичные переселенцы могли сравнительно легко найти по пути и кормъ и кровъ, то иначе обстояло дѣло съ переселеніями въ большихъ размѣрахъ, когда необходимо было предварительное заготовленіе всего необходимаго по пути, подобно тому какъ это дѣлалось и дѣлается при слѣдованіи войсковыхъ частей. А. М. Фадѣевъ приводитъ въ воспоминаніяхъ своихъ случай, когда было упущено время для заготовленія фуража скоту, который слѣдовалъ вмѣстѣ съ нѣсколькими тысячами семействъ изъ Малороссіи и Херсонской губерніи въ Черноморье для освобожденія мѣста въ названныхъ областяхъ для чугуевскихъ военныхъ поселеній. Не касаясь судьбы людей, Фадѣевъ представляетъ себѣ возможность того, что весь скотъ у малороссіянъ передохъ отъ голода, если они не нашли средствъ прокормить его сами[1]), что представляло, конечно, чрезвычайныя трудности и едва ли могло быть успѣшно. Другимъ примѣромъ можетъ служить извѣстная исторія переселенія крестьянъ Бобылецкаго старостства Могилевской губерніи въ Новороссію для освобожденія мѣста для

---

[1]) Воспоминанія *Фадѣева*, стр. 68—9.

Елецкаго пѣхотнаго полка. Плачевная судьба переселенныхъ произвела въ свое время сильное впечатлѣніе на всѣхъ, узнавшихъ обстоятельства переселенія, и это отмѣтилъ и Николай Павловичъ въ бытность еще великимъ княземъ при посѣщеніи названныхъ военныхъ поселеній [1]), и лица, близко стоявшія къ дѣлу военныхъ поселеніи вообще, какъ фонъ Брадке [2]), и французскій посолъ въ Россіи герцогъ de Noailles, писавшій въ 1817 году повидимому объ этомъ случаѣ герцогу Ришелье, который, конечно, былъ хорошо посвященъ въ первые этапы всего бобылецкаго дѣла: „dans un gouvernement que je ne saurais nommer, une population a dû être transportée pour faire place à des soldats. Ce deplacement s'est opéré avec une telle rapidité, que ces malheureux habitants de la campagne n'ont pas eu plus de vingt quatre heures pour se préparer à un long voyage. Femmes enceintes malades, vieillards, enfants en bas âge, tout a été transporté à plus de mille verstes de ses foyers. Arrivée au terme de son voyage, la troupe infortunée était loin de présénter le même nombre d'individus qu'au depart. On assure qu'elle était réduite a 300 personnes. L'Empereur si bon, si humain, n'a pu que frémir en apprenant de quelle maniere des hommes barbares avaient cru éxecuter ses ordres. Des secours de tout genre ont été prodigués aux malheureux restes des 1000 paysans...[3]). Относятся ли настоящія слова къ бобылецкимъ крестьянамъ, какъ думаетъ В. И. Семевскій [4]), или нѣтъ, во всякомъ случаѣ судьба выселенцевъ изъ Могилевской губерніи была именно такова, если, конечно, оставить въ сторонѣ приведенныя герцогомъ de Noailles цифры. Изъ офиціальной переписки по этому дѣлу мы знаемъ, что бобылецкое переселеніе было заранѣе подготовлено и обдумано при участіи герц. Ришелье и для его успѣха были приняты разнообразныя мѣры: „J'ose assurer Votre Majesté, писалъ уже послѣ несчастія Ришелье Александру I, qu'on n'a rien négligé pour leur établissement, qui sera complet à l'automne" [5]), но, однако, при выполненіи этихъ мѣръ и плановъ были допущены злоупотребленія и небрежность, усугубившія тягость положенія переселенцевъ. Выселенію подлежали всѣ жители бобылецкаго староства въ числѣ 4411 душъ обоего пола; въ Новороссійскомъ краѣ въ первый же годъ послѣ выхода ихъ изъ старыхъ мѣстъ было обнаружено уменьшеніе этого числа, причемъ отъ момента привода крестьянъ въ Новороссію и до середины 1813 года въ ихъ составѣ произошелъ весьма значительный ущербъ въ 1085 душъ (539 д. м. п. и 546 д. ж. п.) умершихъ, что объяснялось производствомъ переселенія въ холодные мѣсяцы, особенно „отяготительные" для переѣздовъ малолѣтнихъ, стариковъ и слабыхъ, насильственнымъ

---

[1]) *Шильдеръ*, Николай I, I, 72.

[2]) Русскій Архивъ, 1875, № 1, 51.

[3]) Письмо изъ СПБ. 4 февр. 1817 г. Сб. Р. Ист. Общ., т. 119, 1904 г., 23—4.

[4]) Политическія и общественныя идеи декабристовъ. СПБ. 1909, 169, прим. 2.

[5]) Сборникъ Русск. Ист. Общества, т. 54, СПБ. 1888, 339—340.

переводомъ, которое приводило переселяемыхъ „въ уныніе", что могло дѣйствовать и на ихъ здоровье и т. п., какъ установлено было особою коммиссіей по разслѣдованію несчастій бобылецкихъ крестьянъ[1]). „La plus grande partie des pertes, писалъ по этому поводу Ришелье Имп. Александру I, etaient en chemin, mais il est impossible qu'ils ne souffriront pas de cette longue émigration" [2]).

Такимъ образомъ самый фактъ переселенія, особенно принудительнаго и спѣшнаго, былъ однимъ изъ крайне отягчающихъ моментовъ въ судьбѣ и устроеніи переселенцевъ. Другую сторону этого дѣла составляютъ тѣ внѣшнія условія, въ какія попадали пришельцы по прибытіи ихъ въ назначенные имъ округа, и тѣ предварительныя приготовленія, которыя должны были отчасти удовлетворить переселенцевъ въ ихъ потребности жилищъ, скота, пропитанія и т. п. Для иллюстраціи этой стороны дѣла приведемъ описанія жизни и состоянія русскихъ переселенцевъ, данныя чиновниками, спеціально посланными для изученія ихъ быта и потребностей.

Вотъ что пишетъ, напримѣръ, Ник. Дм. Овсянико-Куликовскій, помѣщикъ Таврической губерніи и хорошо, очевидно, знакомый съ мѣстными условіями, о положеніи русскихъ пришельцевъ, испомѣщенныхъ въ уѣздахъ Мелитопольскомъ и Днѣпровскомъ, въ предѣлахъ какового были и его собственныя земли.

„Если не вообще всѣ, то большою частью суть такія, кои оставили прежнія свои жилища потому только, что, стѣсняясь скудостью земли, не имѣли средствъ къ пропитанію, отъ рукъ земледѣльца зависимыхъ, съ тѣмъ вмѣстѣ и тамъ удручались нищетою, здѣсь же должны чувствовать оную преимущественно.—Не много имѣющихъ рабочій скотъ къ воздѣлыванію полей необходимо нужный, а прочіе такъ сказать пѣшіе. Всякому пришельцу, окруженному семействомъ, нужно имѣть избу, убѣжищемъ ему служащую, и сдѣлать посѣвъ хлѣба на годовую пропорцію, а какъ новозаводимымъ селеніямъ присвоенна земля не только безводная въ отдаленности, но безъ лѣсная и при рѣкѣ Днѣпрѣ, то получаютъ лѣсъ изъ произрастающаго на плавняхъ и пригоняемаго промышленниками сверху оного покупкою.—При посредственномъ хлѣба урожаѣ новопоселенные у зажиточныхъ могутъ доставать пропитаніе трудолюбивыми руками на сей токмо единый предметъ по новости нѣсколько свободными, но пріобрѣтеніе рогатаго скота и строеваго лѣса для человѣка ничего не имѣющаго и къ хозяйству совершенно прилежнаго безъ помощи правительства есть дѣло не возможное.—Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ при рѣчкахъ расположенныхъ, и одни только пришельцы изъ мѣстъ,

---

[1]) Архивъ упраздненнаго Новороссійскаго и Бессарабскаго генералъ-губернаторскаго управленія, д. Херсонской губ., 1814 г., № 21, I, 95—124; II, 5, 12.

[2]) Письмо 1812 года. Сборникъ Русск. Ист. Общества, т. 54, СПБ., 1886, стр. 339—340.

къ Старобубу прилежащихъ, такъ именованные литвины въ прошедшую осень страдали и были умершіе; причиной сего собственная ихъ неосторожность отъ неопытности и невѣжества происшедшая; отнюдь не слѣдуютъ примѣру здѣшнихъ жителей, въ хорошемъ вкусѣ хлѣбъ приготовляющихъ, а вопреки тому они всякаго рода зерно смѣшиваютъ воедино и составляютъ хлѣбъ ни на что не похожій, въ пищу же употребляютъ безъ привычки и съ алчностью степные и огородные плоды, а найпаче дыни, также свѣжую рыбу недоваренную или вовсе сырую, словомъ—какъ по общему увѣренію и собственному замѣчанію моему—часть сего народа отъ жительствовавшаго въ малороссійскихъ губерніяхъ весьма различествуетъ нарѣчіемъ, общежитіемъ и характеромъ, не вникаютъ въ домостроительство и способы, въ здѣшнихъ мѣстахъ быть долженствуемые. При томъ не отъ непривычки что на прежнемъ ихъ жилищѣ воздѣлывали поле сохою однимъ воломъ или лошадью, здѣсь же какъ на отличномъ грунтѣ земли, продолжается хлѣбопашество плугомъ и четырьмя парами волами, а при недостаточномъ ихъ состояніи дѣйствуетъ и нерадѣніе и лѣность, и какъ въ семъ случаѣ, такъ и въ отношеніи образа жизни ихъ требуется особенный и строгій надзоръ за ними.—Переселенцы въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ нуждаются въ хлѣбѣ какъ на пропитаніе равно и на будущій посѣвъ онаго; необходимость сія можетъ быть удовлетворена изъ запасныхъ сельскихъ магазиновъ, въ сихъ уѣздахъ существующихъ, по мѣрѣ надобности каждаго.—Они же объясняются, что отпуски изъ прежнихъ жилищъ сопряжены съ крайнимъ затрудненіемъ отъ стороны тамошней земской полиціи и самаго губернскаго правительства, а у нѣкоторыхъ оставленъ отдаваемый ими въ запасныя магазейны хлѣбъ въ значущемъ количествѣ". „Необходимо, чтобы сказанныя отпуски сколь возможно были облегчены и вся отшельцамъ принадлежность отдавалось не удержано".—„Въ запасныхъ магазинахъ (въ Таврич. губ.) ярового хлѣба недостаточно, и въ нѣкоторыхъ, если не во всѣхъ, долженъ быть и къ посѣву не годный. —Имѣющіе рабочій скотъ, на коемъ сюда прибыли, нѣкоторые, продавъ оный, построили домы, но не имѣютъ въ посѣвѣ озимаго хлѣба, занимавшіеся же хлѣбопашествомъ и сохранившіе скотъ или не имѣютъ домовъ, но помѣщаются съ старожилыми и зажиточными или располагаютъ свое жительство подъ такою кровлею, которая отнюдь не защищаетъ ихъ отъ мокроты и стужи".

Выражая въ цифрахъ положеніе переселенцевъ въ шести старыхъ и шести новыхъ селеніяхъ Днѣпровскаго уѣзда и въ пяти старыхъ и четырехъ новыхъ Мелитопольскаго, Овсянико-Куликовскій указываетъ, что зажиточныхъ и давно поселившихся крестьянъ въ нихъ 14121 душа м. п. (3732+10389); новопоселившихся неимѣющихъ хлѣба и нуждающихся въ пособіи 4324 д. об. п. (Днѣпр. 1182 м. и 967 ж.=2149 д. об. п., Мелитопольск. у.—1188 м.+987 м.=2175 д. об. п.); не имѣютъ домовъ и живутъ въ землянкахъ — 1333 се-

мейства (Днѣпр. у. 825, Мелитоп.—508), т. е., повидимому, около 6000 д. об. п.[1]).

Относительно новыхъ русскихъ переселенцевъ въ Херсонскую губернію мы имѣемъ сообщеніе надв. сов. Петрулина, которому дюкъ де-Ришелье въ апрѣлѣ 1814 года поручилъ объѣхать вновь учрежденныя въ Херсонской губерніи селенія и „войти въ познаніе, не стѣснены ли они въ чемъ".

„Малѣйшій образъ хозяйственнаго обзаведенія имѣютъ только тѣ, писалъ Петрулинъ, кои изъ нихъ 1) прибыли въ 1810 г. большими семействами изъ внутреннихъ губерній, и 2) изъ ближайшихъ селеній здѣшнихъ губерній перешедшіе,—все же они вообще не составляютъ десятой части всѣхъ поселенцевъ, имѣющихъ состояніе людей подобно оставшимся послѣ пожара и нашествія непріятельскаго,—многіе дома безъ крышъ, безъ сѣней, безъ дворовъ, а скота рѣдкой 2 или 3 штуки имѣетъ. Хлѣбъ для самаго пропитанія зарабатываетъ большая часть въ отдаленныхъ селеніяхъ, слѣдовательно можно ясно представить, какой посѣвъ долженъ быть у людей, имѣющихъ такое состояніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и какое положеніе на будущее время ожидаетъ ихъ". Большая часть переселенцевъ перешла въ Херсонскую губернію осенью 1811 года; постройка жилищъ затруднена отдаленностью лѣса и неудобствами доставки камня. Переселенцы изъ великороссовъ привыкли къ употребленію сохи, на новомъ же мѣстѣ они должны пріобрѣтать плуги и воловъ и учиться работать съ ними. Наскоро сооруженныя хижины, оставшіеся безъ крышъ, благопріятствовали развитію болѣзней и росту смертности, что вызвало упущеніе весны 1812 г. для посѣва, почему урожай былъ только въ просѣ. Взысканіе подушныхъ и земскихъ сборовъ за 1812—13 годы съ души до 30 руб. довершило ихъ бѣдствія, такъ что послѣ уплаты за годъ у многихъ осталось одно рубище. Прибывающіе изъ Полтавской губерніи, принадлежащіе по обзаведенію и имуществу къ 1 классу, хозяева высылаются почему то обратно къ явному разоренію ихъ. Касаясь одного изъ приднѣпровскихъ селеній Леонтьевки, Петрулинъ приводитъ любопытныя свѣдѣнія объ отведенной для поселенцевъ землѣ: водворено въ этомъ селеніи до 150 душъ и назначено поселеніе еще группы крестьянъ; для этого отведенъ участокъ въ длину до 20 верстъ и въ ширину до $1^1/_2$ версты, т. е. очень неудобный для поселенія такого количества; дома расположены по берегу рѣки отъ межи до межи помѣщичьей, площадь берега 20 саж. далѣе крутизна на 100 саж. вышины, скотъ нельзя выгонять въ дождливое время,—въ длину участка нѣтъ водопоевъ, почему поселяне принуждены работать только

---

[1]) Рапортъ Овсянико-Куликовскаго герцогу Ришелье безъ даты во исполненіе порученія отъ 7 дек. 1809 г. Архивъ упразд. Новороссійскаго и Бессарабскаго генералъ-губернаторскаго управленія въ Одессѣ, д. по Таврич. губ. 1806 г. № 3 лл. 65—6, 77, 67, 74—5, 68—9, 72, 70—71.

на ближайшихъ къ рѣкѣ участкахъ, лишая себя удобныхъ выгоновъ, черезъ помѣщичью же землю перегонять скотъ нельзя [1]).

Что касается бобылецкихъ крестьянъ, то объ ихъ положеніи мы имѣемъ такія, напримѣръ, сообщенія предсѣдателя коммиссіи объ ихъ устроеніи Б. Б. Лопатинскаго: „При первоначальномъ расположеніи о водвореніи въ здѣшнемъ краѣ бобыл. кр., назначена была земля въ Тираспольскомъ уѣздѣ—по выгодамъ оной и изобилію тамъ сѣнокоса, воды, камыша и камня строевого;—когда же бобылецкіе крестьяне сюда прибыли, то вмѣсто оной назначены земли въ Херсонскомъ уѣздѣ недостаточные водою и другими выгодами. Поселенцы при первомъ обозрѣніи оной не были довольны", однако другой земли имъ не отвели, признавъ возможнымъ лишь „умножить колодцы" и при маломъ количествѣ воды въ нихъ отыскать другіе участки для поселенія, „принявъ мѣры, могущія привязать людей къ новому мѣсту". „Однако, мѣста поселенія неперемѣнены и тогда, когда въ виду было, что въ трехъ мѣстахъ при балкахъ устроенныя плотины могли только задерживать одну снѣговую воду" [2]). По свѣдѣніямъ и заключеніямъ министра внутреннихъ дѣлъ О. Козодавлева, основаннымъ на планахъ и донесеніяхъ герц. Ришелье и ряда чиновниковъ, „нѣкоторыя мѣста, гдѣ основаны селенія бобылецкихъ крестьянъ, особенно Малѣевка и Явкино находятся отъ прямой дороги между Херсономъ и Николаевомъ на разстояніи около 70 и 100 верстъ, да и другія мѣста довольно отдалены, тамъ что сообщеніе между сими двумя городами въ отношеніи къ бобылецкимъ селеніямъ по видимому не представляетъ для сихъ послѣднихъ никакихъ непосредственныхъ выгодъ.—Кромѣ одного только сел. Заселья всѣ вообще усадьбы скудны сѣнокосомъ [3]). Что касается жилищъ для переселенцевъ, частью построенныхъ заранѣе, то они или совсѣмъ развалились или же требовали значительныхъ починокъ, быстро приходя въ ветхость. Тягостныя условія жизни бобылецкихъ крестьянъ могутъ быть обнаружены и такими, напримѣръ, данными, какъ цифры о движеніи и ростѣ населенія въ занятыхъ ими селеніяхъ за 1815 годъ [4]). Оказывается, число обитателей не только не увеличилось за этотъ годъ, но даже нѣсколько уменьшилось:

Число *семей* къ 1 янв. 1815 г.— 674; къ 1 янв. 1816 г.— 538.

Число *душъ* къ 1 янв. 1815 г.—3459; къ 1 янв. 1816 г.—3332.

---

[1]) Рапортъ Петрулина герц. Ришелье мая 1814 г. Арх. Новороссійскаго и Бессарабскаго генер.-губ. управленія, д. Таврич. 1806 г. № 3, лл. 460 и 467.

[2]) Рапортъ Лопатинскаго Ришелье отъ 17 мая 1814 г. Архивъ ген.-губернаторскаго управленія, д. Херсонской губ. 1814 г. № 2, т. I, 46 л.

[3]) Отношеніе министра вн. дѣлъ герц. Ришелье 19 марта 1814 г. за № 104, Архивъ. д. Херсонской губ. 1814 г., № 2, т. I, лл. 25 и 28.

[4]) Вѣдомость за 1815 г. Архивъ, д. Херсонской губ., 1814 г. № 2, т. 2, л. 31—таблица.

Прибавленіе въ теченіе 1815 г. соединеніе семей малыхъ 185 д. об. п.
бракосочетаніе 57
рожденіе . . . . . 163 д. об. п.
Убыль въ теченіе того же срока: черезъ соедин. мал. семей 185 д. об. п.
бракосочетаніе 56
умерло . . . . . 291 д. об. п.

Приведенныя описанія достаточно ярко изображаютъ всю тягость положенія русскихъ поселенцовъ въ разныхъ частяхъ Новороссійскаго края. Очевидно, условія и обстановка переселенія и разселенія были крайне неблагопріятны для пришельцевъ изъ иныхъ губерній Россіи. Одно обстоятельство при этомъ выдвигается всѣми участниками устроенія переселенцевъ на первое мѣсто, а именно отсутствіе правительственнаго или казеннаго пособія переселенцамъ или неосвобожденіе ихъ отъ ряда государственныхъ повинностей, отъ исполненія которыхъ они не освобождались часто и въ первые же мѣсяцы по прибытіи на новыя для нихъ мѣста.

„Я уже нѣсколько разъ доводилъ до свѣдѣнія, писалъ герцогъ Ришелье министру внутреннихъ дѣлъ 28 іюня 1806 года, необходимость въ пособіи переселенцамъ изъ внутреннихъ въ здѣшнія губерніи;—извѣстно, что они, оставляя прежнія свои жилища, сбываютъ все за безцѣнокъ, а на новомъ мѣстѣ обзаводясь во всемъ должны покупать то, что прежде сбывали и обзаводиться новымъ хозяйствомъ, неся такимъ образомъ сугубый убытокъ, они сугубо же бываютъ полезны.—Переходя изъ оставленныхъ мѣстъ *безъ всякаго отъ казны пособія*, они переносятъ только съ собою казенные долги, погашеніе которыхъ на новыхъ мѣстахъ обыкновенно бываетъ еще затруднительнѣе для нихъ, между тѣмъ какъ *иностранные переселенцы, снабдѣваясь отъ казны всѣми пособіями, пользуются довольною отъ всѣхъ казенныхъ и общественныхъ повинностей льготою*“. Единственнымъ средствомъ для созданія возможности поселенцамъ современемъ быть исправными плательщиками своихъ повинностей Ришелье считаетъ—увольненіе поселенцевъ отъ казенныхъ податей по крайней мѣрѣ на 5 лѣтъ и отъ рекрутскаго набора на 3 года[1]).

Черезъ пять лѣтъ въ бумагѣ 7 окт. 1811 г. министру финансовъ Д. А. Гурьеву Ришелье съ особенной настойчивостью повторилъ ту же мысль. „Съ самымъ вступленіемъ моимъ въ управленіе Новороссійскимъ краемъ я убѣжденъ былъ въ необходимости дать нѣкоторыя выгоды переселенцамъ изъ внутреннихъ губерній въ здѣшній край приходящимъ. Я при семъ случаѣ имѣлъ двоякую цѣль: одну, чтобъ облегчить нѣкоторымъ образомъ переселенцевъ, ничѣмъ при переходѣ отъ казны не воспособляемыхъ и устраивающихъ хозяйства свои на новыхъ мѣстахъ на свой счетъ; и другую, чтобы заохотить къ пере-

[1]) Донощеніе отъ 28 мая 1806 г., Архивъ ген.-губ., д. Таврической губ., 1806 г., № 3, лл. 2 и 7.

селеніямъ, дабы мало по малу достигнуть цѣли правительства въ скорѣйшемъ заселеніи Новороссійскаго края. Ежели иностранные переселенцы, при переходахъ и при водвореніи только отъ казны вспомоществуясь, пользуются обильною льготою, то по мнѣнію моему весьма заслуживаютъ нѣкоторое облегченіе внутренніе наши переселенцы, которые, выходя изъ малоземельныхъ губерній, оставляя тамъ свои участки, переходятъ сюда, заселяютъ собою степи и умножаютъ въ здѣшнемъ краѣ населеніе. Нельзя заключать, что переселенцы пріселяются токмо къ старымъ здѣшнимъ селеніямъ; въ Херсонской и Таврической губерніяхъ заведены переселенцами новыя селенія. Переселенцы на новыхъ мѣстахъ строятъ себѣ избы и всѣмъ обзаводятся; если не облегчить ихъ нѣсколько въ повинностяхъ то они неминуемо не только станутъ въ водвореніи затруднены, но потерпятъ крайнее разореніе, а тогда не могутъ быть на новомъ своемъ водвореніи полезными. Освободивъ ихъ на нѣсколько лѣтъ отъ платежа податей и отъ общественныхъ повинностей казна немного потеряетъ, но въ замѣну того край малонаселенный скорѣе для общей и государственной пользы заселеннымъ быть можетъ, въ иномъ же случаѣ переселеніе казенныхъ поселянъ совсѣмъ пресѣчется.—Средство сіе есть необходимое дабы водвореніе оныхъ нѣсколько облегчить и не отняло у другихъ охоты къ таковому же переселенію". „Покорнѣйше прошу Васъ, М. Г., приписываетъ собственноручно Ришелье, имѣйте милосердіе съ нашими бѣдными переселенцами, не доведите ихъ до совершеннаго разоренія, то, что я имъ обѣщалъ во имя Государя, не должны оные лишиться, безъ того оные никогда не будутъ мнѣ вѣрить, убѣдительнѣйше прошу Васъ уважить мое нынѣшнее представленіе, вы меня чрезъ вашего въ семъ случаѣ снисхожденія чувствительно одолжить изволите" [1]).

Очень вѣроятно, что одновременно съ этимъ письмомъ или въ связи съ нимъ герцогъ Ришелье писалъ Императору Александру I о тягости повинностей для новыхъ русскихъ переселенцевъ. Отказъ отъ освобожденія ихъ отъ повинностей является ударомъ для нихъ. „Je n'ai pas besoin de dire à Votre Majesté, combien une pareille décision est cruelle, j'ose dire même injuste; ne leur pas accorder cette exemption eut été rigoureux; les en priver quand ils en ont joui, quand sur cette espérance, ils sont venus s'établir ici, est une chose que je ne puis concevoir. Ce ne peut être assurément une mesure de finance, car l'impôt que peuvent payer quelques milliers de paysans pendant 5 ans est vraiment aux finances de l'empire, ce qu'est une goutte d'eau dans l'océan. J'en ai écrit à M. Gouriew. J'en appelle à votre coeur, Sire, et j'ose attendre de sa bonté, qui m'est si connue, que vous daignerez suspendre cette decision, et continuer le bienfait que vous nous avez accordé. C'est une grâce que

[1]) Архивъ Новор. ген.-губ., Таврич. губ., 1806, д. 3, лл. 158—160.

je sollicite comme une récompense personnelle, et pour laquelle ma reconnaissance sera sans bornes“ [1]).

Выступая такимъ горячимъ защитникомъ интересовъ русскихъ переселенцевъ, герцогъ Ришелье былъ неодинокъ въ своихъ воззрѣніяхъ. Такое требованіе освобожденія отъ повинностей и извѣстной субсидіи со стороны правительства было едва ли не общимъ въ средѣ дѣятелей на мѣстахъ. Эту мысль высказываетъ таврическій гражданскій губернаторъ Дм. Мертваго, обращающійся къ Ришелье съ ходатайствомъ о испрошеніи двухгодичной льготы для подушной подати и поставки рекрутъ и раскладки на послѣльготныя пять лѣтъ недоимки, накопившейся на малороссіянахъ въ числѣ 428 [2]).

Такую же мысль проводитъ въ одномъ изъ своихъ донесеній Овсянико-Куликовскій, обращающій вниманіе на психологію русскихъ поселенцевъ: ихъ селенія расположены или по смежности молочныхъ нѣмецкихъ колоній и духоборческихъ жилищъ или не въ отдѣленіи отъ нихъ. „Видѣвши и тѣхъ и другихъ отъ щедротъ Монаршихъ примѣрными выгодами пользующихся, успѣхи ихнія въ полевыхъ работахъ, посягаютъ мыслить еще и на коронное пособіе и сверхъ пятилѣтней отъ податей льготы имъ“ [3]).

Русское правительство не раздѣляло такой точки зрѣнія и сдерживало герц. Ришелье въ его планахъ и распоряженіяхъ. Считаясь съ явною потребностью въ извѣстномъ содѣйствіи казны, правительство издало два законодательныхъ акта—3 іюня 1805 г. [4]) и 18 іюня 1812 г. [5]), въ которыхъ высказало свое мнѣніе по этому вопросу. Первый имѣлъ узкое частное значеніе, касаясь лишь одной группы переселенцевъ: — именно экономическихъ крестьянъ, Краснинскаго и Смоленскаго уѣздовъ Смоленской губ., по волѣ правительства переведенныхъ въ селенія Александровскаго уѣзда Екатеринославской губерніи. Этимъ смоленскимъ крестьянамъ были предоставлены для ихъ устроенія и обзаведенія нѣкоторыя льготы—въ теченіе первыхъ пяти лѣтъ послѣ ихъ водворенія въ Новороссіи они были свободны отъ подушной подати и иныхъ казенныхъ повинностей.—Имѣющій спеціальное и узкое назначеніе актъ 1805 г. о смоленскихъ крестьянахъ послужилъ толчкомъ къ тому, чтобы его содержаніе распространить и на другія группы переселенцевъ въ Новороссійскій край. Это расширеніе значенія закона 1805 г. было сдѣлано, въ сущности, самимъ правительствомъ въ лицѣ министра внутреннихъ дѣлъ гр. В. П. Кочубея, который въ отношеніи 31 авг. 1806 г. на имя Ришелье въ отвѣтъ на ходатайства послѣдняго о льготахъ сослался на Высо-

---

[1]) Сборн. Русск. Истор. Общества, т. 54, СПБ. 1886, 327—8.
[2]) Архивъ, Таврич., 1806, и 3, л. 1, представленіе отъ 19 іюля 1806 г.
[3]) Архивъ, Таврич., 1806, 3, л. 65—7, 77.
[4]) П. С. З., т. XL, № 21.779 а, стр. 41—45.
[5]) П. С. З., т. XXXII, № 25.150.

чайше конфирмованный въ 1805 г. докладъ Государственнаго Совѣта[1]) какъ на общую норму въ дѣлѣ устроенія переселенцевъ, которые не могутъ быть освобождены лишь отъ рекрутской повинности, что могло бы дать поводъ „ко всегдашнимъ переселеніямъ крестьянъ безъ всякой со стороны ихъ нужды, и тѣмъ правительство чрезвычайно озаботить". Примѣненіе этого акта 1805 г. въ новомъ его общемъ пониманіи натолкнулось на рядъ препятствій. Ришелье поспѣшилъ предписать о выполненіи его всѣмъ казеннымъ палатамъ и администраціи новороссійскихъ губерній. Казенныя палаты различно отнеслись къ этому предложенію Ришелье: въ то время какъ таврическая тотчасъ же съ 1807 г. стала руководствоваться закономъ 1805 г. при устроеніи переселенцевъ, Херсонская до 1809 г. не предпринимала никакихъ мѣръ для выполненія указанія мин. вн. дѣлъ, Екатеринославская же вошла въ безплодную до 1811 г. переписку съ министромъ финансовъ и государственнымъ казначеемъ. „Страннымъ, конечно, покажется, заключилъ Ришелье, что въ одномъ краѣ въ одинакихъ мѣрахъ не одинако дѣйствуется, хотя въ прочемъ основанія къ этому должны быть одинаковы же" [2]). Для введенія единообразія Ришелье обратился за содѣйствіемъ къ мин. финансовъ Д. А. Гурьеву (16 марта 1810 г. и 5 авг. 1811 г.), отвѣтъ котораго отъ 9 сент. 1811 г.[3]), въ сущности, разстроилъ все уже частью налаженное дѣло. Гурьевъ обратилъ вниманіе на то, что докладъ 1805 г. имѣетъ въ виду лишь смоленскихъ крестьянъ и что къ малороссіянамъ, выходящимъ не селеніями, но лишь семьями и поселяющимся не въ новыхъ, но въ уже существующихъ селеніяхъ на мѣстахъ уже обработанныхъ, этотъ актъ примѣненъ быть не можетъ; малороссіяне часто переходятъ безъ позволенія начальства, продаютъ собственныя ихъ земли, что даетъ имъ возможность обзаводиться необходимымъ на новыхъ мѣстахъ, почему въ льготахъ они не нуждаются подобно казакамъ—переселенцамъ въ Кавказскую, Астраханскую и Оренбургскую губернію. Разочарованіе еще ранѣе послѣдовало и съ другой стороны: тяжкая нужда переселенцевъ—малороссіянъ въ хлѣбѣ (въ Таврической губерніи) принудила герцога Ришелье въ соотвѣтствіи съ духомъ доклада 1805 г. разрѣшить выдачу нуждающимся изъ хлѣбныхъ запасныхъ магазиновъ заимообразно до 2000 четвертей хлѣба[4]). На это распоряженіе Ришелье послѣдовалъ протестъ со стороны министра полиціи Балашова (14 іюля 1811 г.), сославшагося и на малое количество зерна и на старый законъ 1799 г., запрещавшій выдавать хлѣбъ невносившимъ въ запасные магазины[5]).

---

[1]) Архивъ Новороссійскаго ген.-губернатора, Таврич. 1806, 3, лл. 28, 31.
[2]) Арх. Новор. ген.-губ., Таврич., 3, 49—50, 85.
[3]) Ibid., 156—7, 162.
[4]) Ibid., л. 133—5
[5]) Ibid., 125, 142.

Въ отвѣтъ на данное Гурьевымъ изображеніе судьбы малороссовъ-переселенцевъ въ Новороссію Ришелье 7 окт. 1811 г. написалъ горячее отношеніе на имя Гурьева, приведенное въ главныхъ частяхъ выше, результатомъ чего было сообщеніе Гурьева (6 марта 1812 г.), что въ Государственномъ Совѣтѣ поставленъ на очередь вопросъ о распространенномъ примѣненіи закона 1805 г. Вскорѣ послѣ этого Ришелье отбылъ въ С. Петербургъ и „возвратясь изъ столицы объявить изволилъ, что о переселенцахъ постановленіемъ Совѣта разрѣшено", какъ намѣчено на одной архивной бумагѣ. Этому результату предшествевала еще переписка съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, которому Ришелье представлялъ о необходимости дать льготы и вспомоществованіе всѣмъ переселенцамъ въ Новороссію, чего герцогу Ришелье никакъ не удавалось ранѣе добиться. Отвѣтъ министра былъ аналогиченъ взгляду министра финансовъ: о переселенцахъ-малороссіянахъ не было представленій въ смыслѣ потребности имъ помощи при водвореніи; собственная земля при продажѣ даетъ извѣстныя средства казаку, переселяющемуся не издалека, но вблизи же въ сходный климатъ и въ одинаковыя въ общемъ хозяйственныя условія. Весьма важна для исторіи всего вопроса точка зрѣнія Императора Александра, которому мин. вн. дѣлъ доложилъ суть вопроса: „находя, съ одной стороны, что по весьма значущему числу людей, ежегодно выходящихъ изъ Малороссіи, должно ожидать необыкновенныхъ расходовъ, если подать имъ поводъ просить пособіе, и не видя, почему нынѣ нужно сдѣлать исключеніе для нѣкоторыхъ изъ сихъ переселенцевъ, съ другой же стороны, чтобы не допустить нуждающихся до какого либо недостатка и бѣдствія, Высочайше повелѣть соизволилъ собрать обстоятельныя свѣдѣнія о тѣхъ кои просятъ, и коимъ необходимо должно оказать пособіе лѣсомъ, и нуждающимся по необходимости подать скорую помощь, не подвергнувъ ихъ какому либо недостатку и бѣдствію" [1]).

Пріѣздъ Ришелье въ Петербургъ и его доклады и ходатайства послужили главнымъ основаніемъ для окончательнаго рѣшенія такъ затянувшагося дѣла. Ришелье удалось убѣдить мин. внутр. дѣлъ въ необходимости пособія переселенцамъ [2]), дѣйствовалъ онъ, конечно, и въ другихъ направленіяхъ, и, очевидно, ему въ конечномъ итогѣ обязанъ своимъ существованіемъ актъ 17 іюня 1812 г.—Высочайше утвержденный въ Свѣнцянахъ докладъ Государственнаго Совѣта (П. С. З., т. XXXII, № 25, 150). Этотъ законъ, ограничивающій переселеніе только Новороссіей, предоставляетъ пятилѣтнюю льготу всѣмъ переселившимся послѣ 1805 г. и всѣмъ впредь желающимъ переселиться, причемъ — для предотвращенія своевольныхъ и безосновательныхъ переходовъ — зе́мли перешедшихъ въ другую губернію не освобожда-

[1]) Архивъ Новор. ген.-губ., Таврич., 1806, 3, л. 177.

[2]) См. письмо Ришелье мин. вн. дѣлъ, 21 авг. 1812 г., Ibid., 205.

ются отъ повинностей на $1^1/_2$ г., исполненіе коихъ падаетъ на новыхъ владѣльцевъ этихъ участковъ. Для казаковъ, переходящихъ въ Новороссію, назначается льгота лишь въ полтора года въ виду особыхъ выгодъ казаковъ благодаря ихъ земельной собственности, продажа которой даетъ имъ „сугубые способы“ къ переселенію и устроенію на новыхъ мѣстахъ. Рядомъ съ освобожденіемъ отъ повинностей, законъ 1812 г. предоставляетъ мѣстному начальству право выдавать нуждающимся денежныя ссуды изъ откупныхъ суммъ и хлѣбъ на посѣвы и пропитаніе изъ хлѣбныхъ магазиновъ съ обезпеченіемъ потребностей селеній, въ которыхъ находятся магазины.

Такія постановленія въ извѣстной степени удовлетворяли потребностямъ и стремленіямъ русскихъ переселенцевъ въ Новороссію. Одинъ важный вопросъ остался не затронутымъ въ этомъ законѣ, именно вопросъ о рекрутской повинности, но освобожденіе отъ него, практиковавшееся широко по отношенію къ иноземцамъ-колонистамъ, было едва ли мыслимо для русскаго правительства примѣнительно къ русскимъ переселенцамъ. Лишь смоленскіе переселенцы были въ этомъ отношеніи исключеніемъ, — первыя партіи ихъ приступили къ несенію рекрутской повинности черезъ пять льготныхъ лѣтъ (1809—1812 включ.)—съ 1813 г., принужденныя все же поставить людей и за этотъ льготный періодъ, что было для нихъ крайне обременительно и едва-ли даже возможно [1]). Для другихъ группъ переселенцевъ рекрутская повинность была неизбѣжной, хотя далеко не всѣ онѣ уже обстроились и обжились на новыхъ мѣстахъ,—относительно бобылецкихъ крестьянъ Ришелье возбуждалъ особое ходатайство (1 ноября 1813 г.) [2]). Замѣтимъ, что въ жизни послѣднихъ нестроенія продолжались еще немало лѣтъ, еще въ 1816—18 годахъ поселившіеся въ селеніяхъ Явкино и Малѣевка обнаруживали непокорность и недовольство ихъ водвореніемъ, одна же партія бобылецкихъ крестьянъ предпочла остановиться въ селеніи Александровкѣ, а не въ отведенномъ и частью обстроенномъ для нихъ селѣ Малѣевкѣ; высшее правительство въ конечномъ итогѣ принуждено было признать законность и основательность недовольства и „духа своеволія“ и „упрямства“ крестьянъ и разрѣшить имъ остаться въ Александровкѣ [3]).

Приведенные факты отражаютъ лишь слабую долю всего сложнаго дѣла переселенія русскихъ крестьянъ изъ внутреннихъ губерній въ Новороссію и ихъ водворенія и устроенія здѣсь. И во взятыхъ нами узкихъ хронологическихъ рамкахъ дѣйствительная жизнь пере-

---

[1]) Архивъ, Таврич., 1806, 3, 333—4.

[2]) Ibid., 256, 246 и др., 399 и сл., 273 и сл.

[3]) Отношеніе Аракчеева гр. Ланжерону отъ 19 февр. 1818 г. Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива Е. И. В. канцеляріи, СПБ., 1892, т. V, 334—6.—Архивъ Новор. ген.-губ., Херсонская губ. 1814, II, лл. 86—7, 127, 152—155.

селенцевъ была ярче и полнѣе, дѣятельность администраціи напряженнѣе и глубже. Приведенныя выше указанія всеже достаточно отчетливо обнаруживаютъ двѣ стороны всего интересующаго насъ дѣла: *во-первыхъ*—опредѣленность направленія правительственной политики въ дѣлѣ поселенія русскихъ переселенцевъ въ смыслѣ суровой экономіи казенныхъ средствъ и административныхъ заботъ о нихъ, и *во вторыхъ* — благородную роль герцога Ришелье въ дѣлѣ благоустроенія этихъ пришельцевъ и „переведенцевъ“ въ Новороссію и въ дѣлѣ разрушенія холодности и безразличія правительственныхъ круговъ по вопросу о судьбѣ русскаго переселенческаго движенія на югъ къ Черному морю.

А. Флоровскій.

12 марта
28 февраля 1919 г.
Одесса.

Отношенія Россіи и Италіи

въ XIX вѣкѣ.

Отношенія Россіи къ Италіи, съ момента, когда подъ вліяніемъ французской революціи началась ломка системы итальянскихъ государствъ и вплоть до времени объединенія этихъ государствъ въ единое національное цѣлое, составляютъ одну изъ интересныхъ страницъ исторіи русской внѣшней политики въ XIX вѣкѣ. Эти отношенія вызывались и обусловливались тѣми принципами и практическими соображеніями, которыми руководствовалась вообще внѣшняя политика Россіи въ это время. Необходимо, поэтому, напомнить въ двухъ словахъ ту политическую „конъюнктуру", которая сложилась для Россіи къ XIX вѣку. Россія въ теченіи XVIII столѣтія далеко подвинулась впередъ по пути разрѣшенія двухъ своихъ главныхъ политическихъ задачъ, выражавшихся въ воссоединеніи разрозненныхъ русскихъ земель съ одной стороны и въ выходѣ къ пригоднымъ для международныхъ сношеній морямъ, съ другой. Но какъ для этого продвиженія, такъ и для завершенія этихъ задачъ ей пришлось вступить въ болѣе тѣсныя и дружественныя отношенія съ одними изъ западныхъ державъ и, наоборотъ, пріобрѣсти себѣ въ лицѣ другихъ недоброжелательницъ или соперницъ. Разрѣшеніе Екатериной Второй турецкаго и польскаго вопросовъ вызвало ея сближеніе съ Пруссіей и Австріей и, наоборотъ, натянутыя отношенія съ Франціей и Англіей. Эти взаимоотношенія, вызванныя реальными причинами, получали свое теоретическое оправданіе въ той поддержкѣ системы „политическаго равновѣсія" въ Европѣ, которая и для Россіи, со времени ея активнаго выступленія на международную арену, стала краеугольнымъ началомъ международной жизни. Эта система, стремившаяся, какъ извѣстно, къ огражденію независимости отдѣльныхъ государствъ путемъ ограниченія въ извѣстныхъ предѣлахъ ихъ размѣровъ и силъ, а также посредствомъ борьбы противъ стремленій отдѣльныхъ государствъ къ всемірному могуществу, подверглась сильнымъ испытаніямъ со стороны тѣхъ тенденцій къ гегемоніи въ Европѣ, которыя были проявлены Франціей, сначала республиканской, а затѣмъ и Наполеоновской. Въ защитѣ этой системы „равновѣсія" видную роль пришлось сыграть и Россіи, преимущественно въ союзѣ съ Австріей, а также и Пруссіей. Эта роль наложила свой рѣшающій отпечатокъ на политику Россіи по отношеніи къ Италіи въ теченіи долгаго ряда лѣтъ, переплетаясь, однако, и съ другими факто-

рами болѣе реальнаго характера, въ частности съ проявленіями то скрытаго, то явнаго антагонизма Россіи и Австріи, главнымъ образомъ на почвѣ Восточнаго вопроса.

Къ моменту серьезной угрозы системѣ европейскаго равновѣсія, т. е. къ концу XVIII в., политическія отношенія Россіи къ Италіи, имѣвшія давнюю культурную основу, восходившую ко временамъ флорентійской уніи и Ивана III, обусловливались, по замѣчанію спеціально занимавшагося этимъ вопросомъ автора многотомной „Исторіи Италіи“ Г. Рейхлина [1]), стремленіемъ Россіи найти въ Средиземномъ морѣ точки опоры, какъ для Восточной политики, такъ и для развитія торговли съ вновь завоеванными ею берегами Чернаго моря, а также желаніемъ пріобрѣсти въ лицѣ отдѣльныхъ итальянскихъ государствъ нѣкоторый противовѣсъ чрезмѣрнымъ притязаніямъ союзной съ Россіей Австріи на руководящую роль въ разрѣшеніи далеко еще не разрѣшеннаго къ концу XVIII вѣка Восточнаго вопроса. Какъ для одного, такъ и для другого стремленій Россіи представляли наибольшій интересъ два итальянскихъ государства того времени: королевства Двухъ Сицилій и Сардинское, и съ ними, дѣйствительно, Россія старалась завязать и поддерживать прочныя дружественныя отношенія, приходя имъ на помощь въ критическія минуты, во имя „спасенія престоловъ и алтарей“—этого лозунга, объединившаго всю старую Европу противъ новой, въ лицѣ республиканской Франціи. Но этотъ лозунгъ легитимизма, собравшій вокругъ себя сильнѣйшія державы Европы, сталкивался съ фактомъ нарушенія уже извѣстнаго намъ и столь же популярнаго въ старой Европѣ начала равновѣсія и это столкновеніе мы можемъ замѣтить и на отношеніяхъ Россіи и итальянскихъ государствъ. Едва Россія въ лицѣ Екатерины II вступила въ болѣе энергичное общеніе съ Австріей (а также съ Пруссіей) для того, чтобы согласно словамъ самой Императрицы „обезпечить побѣду надъ этими (революціонными) началами, жертвами которыхъ прежде всего могутъ сдѣлаться наиближайшія къ Франціи владѣнія“ [2]), какъ ей пришлось обѣщать поддержку ряду такихъ „владѣній“—Неаполю, Пармѣ, но уже противъ самой же Австріи, въ виду жалобъ ихъ государей—изъ дома столь милыхъ легитимнымъ державамъ Бурбоновъ, на агрессивные замыслы послѣдней [3]). Это заступничество Россіи является началомъ для тѣхъ постоянныхъ дружественныхъ отношеній, которыя связывали въ особенности одно изъ итальянскихъ государствъ—именно крупнѣйшее изъ нихъ по размѣрамъ, Неаполитанское королевство, съ Россіей, что объясняется отчасти и той прочностью абсолютнаго строя, которой отличалось до

[1]) Die Oesterreicher in Italien und die italienische Politik Russlands (въ Preuss. Iahrbücher, 1858, B. I, II, passim).

[2]) *Жигаревъ*. Россія въ средѣ европейскихъ народовъ поданнымъ международныхъ общенія и права въ XVIII и XIX в.в. (1910), стр. 69.

[3]) Reuchlin, o. c.

конца своего существованія это государство Бурбоновъ, вызывавшее этимъ особыя симпатіи русской высшей власти. Реальное проявленіе этой дружбы произошло въ связи съ тѣмъ активнымъ вмѣшательствомъ Россіи въ дѣла Италіи, которое осуществилось со вступленіемъ Павла I въ ряды 2-ой коалиціи. Легитимистическіе принципы, въ связи съ началомъ равновѣсія, были, безспорно главными движущими побужденіями выступленія Россіи въ этотъ моментъ, но наравнѣ съ ними и реальные интересы Россіи вызывали появленіе ея вооруженныхъ силъ на водахъ Средиземнаго моря и на равнинахъ Италіи. Занятіе Іоническихъ острововъ и Мальты, а также Верхней Италіи преслѣдовало цѣль воспрепятствовать Франціи распространить свое вліяніе на Востокъ Европы, въ частности на Балканскій полуостровъ—этотъ главный притягательный центръ для русской внѣшней политики[1]). Но если эта цѣль и была достаточно цѣнна и ясна для русской политики, то не достаточно ясенъ былъ для нея, по крайней мѣрѣ въ началѣ борьбы, тотъ чисто эгоистическій, далекій отъ выставленныхъ идеальныхъ лозунговъ, духъ, которымъ была проникнута главная союзница Россіи—Австрія, прежде всего по отношенію къ тѣмъ итальянскимъ государствомъ, освобожденіе или помощь которымъ являлись одной изъ главныхъ задачъ второй коалиціи. Снова Неаполитанское королевство выступило въ роли угнетеннаго „спасающей“ его Австріей и ищущаго помощи у Россіи не только противъ Франціи, но и противъ Австріи. Правда, эта помощь, обѣщанная Россіею Неаполю противъ Франціи по договору 29 ноября 1798 г., сулившему въ свою очередь содѣйствіе Неаполя Россіи въ пріобрѣтеніи Мальты, сильно запоздала и проявилась въ высадкѣ русскаго отряда уже послѣ занятія Неаполя Французами и провозглашенія Партенопейской республики, но все же этотъ отрядъ принялъ участіе въ томъ кровавомъ трагическомъ эпизодѣ итальянской исторіи, какимъ явилось отвоеваніе Неаполя для Бурбоновъ роялистскими бандами кардинала Руффо и Фра Дьяволо[2]). Что же касается жалобъ Неаполя на своекорыстіе Австріи, не столько озабоченной облегченіемъ положенія тѣснимаго французами Неаполитанскаго короля, сколько стремившейся занять лучшіе куски Папской области съ Анконой во главѣ, а равно и Тоскану, послѣ ихъ очищенія отъ французовъ[3]), то Россіи только оставалось принять ихъ къ свѣдѣнію, тѣмъ болѣе, что въ Сѣверной Италіи ей пришлось еще ярче убѣдиться, какъ далеко отходили „легитимные“ принципы Австріи отъ ихъ примѣненія на практикѣ. Когда послѣ своихъ блестящихъ побѣдъ Суворовъ, вступивъ въ Пьемонтъ, на бывшую территорію Сардинскаго ко-

---

[1]) Reuchlin, o. c.

[2]) *Helfert.* Königin Karolina von Neapel und Sicilien im Kampfe gegen die französische Weltherrschaft 1790—1814 (1878), s. 27—36.

[3]) Reuchlin, o. c. (бесѣда королевы Каролины съ русскимъ дипломатомъ Я. Г. Лизакевичемъ).

ролевства, сталъ возстановлять сардинскую администрацію, а также формировать сардинскія войска, то онъ встрѣтилъ явное неодобреніе и противодѣйствіе Австріи, которая, въ цѣляхъ сохраненія за собою давно желанныхъ ей земель, выдвинула не только право завоеванія, но также и явно „нелегитимный" доводъ непопулярности сардинскаго короля среди его подданныхъ, а затѣмъ, подъ предлогомъ военныхъ соображеній, постаралась удалить Суворова и русскія войска подальше изъ Италіи въ безразличную для нея Швейцарію. Эти проявленія австрійской политики, въ связи съ явнымъ нежеланіемъ Австріи согласиться на проэктировавшійся Россіей конгрессъ съ участіемъ итальянскихъ государствъ для обсужденія вопроса объ окончаніи войны[1]), и были причиной отозванія Павломъ русскихъ войскъ съ театровъ войны, съ заявленіемъ, что „рѣшившись уничтожить настоящее французское правительство, (онъ) никогда не имѣлъ въ виду допустить, чтобы другой занялъ его мѣсто и сдѣлался бы грозою для сосѣднихъ его государей, завоевывая ихъ владѣнія"[2]).

Такимъ образомъ итальянскія взаимоотношенія послужили при Павлѣ I тѣмъ пробнымъ камнемъ, на которомъ была испытана, и неудачно, солидарность взглядовъ Россіи и Австріи. Но съ другой стороны эти обстоятельства послужили новымъ связующимъ звеномъ между отдѣльными итальянскими государствами и Россіей, убѣдивъ ихъ въ пользѣ дружбы Россіи для отношеній этихъ государствъ къ ихъ могущественнымъ сосѣдямъ, какъ Франціи, такъ и Австріи. Разрывъ Павла съ Австріей и послѣдующее сближеніе его съ Франціей отразились на отдѣльныхъ итальянскихъ государяхъ двояко: неблагопріятно на сателлитахъ Австріи—герцогахъ Тосканы и Модены, лишившихся своихъ владѣній, и благопріятно на участи принятаго подъ покровительство Россіи короля Двухъ Сицилій, получившаго, благодаря русскому посредничеству, въ лицѣ особо посланнаго графа Левашева, относительно сносныя условія сначала перемирія, а затѣмъ мира съ Франціей въ 1801 году[3]). Но если для Неаполя покровительство Россіи, какъ друга Франціи, оказалось весьма цѣннымъ, то къ тому же покровительству Россіи, но уже какъ друга Австріи и тайнаго антагониста Франціи, обращается снова Неаполь въ лицѣ своей фактической правительницы, королевы Каролины черезъ два года, когда защита принциповъ легитимизма и равновѣсія снова сблизили между собою Россію и Австрію, еще недавно такъ охладѣвшихъ другъ къ другу[4]). Самое заключеніе союзнаго договора между ними, обусловленное, конечно, болѣе общими причинами—необходимостью ограниченія могущества Наполеона, было пріурочено къ болѣе

---

[1]) Reuchlin, o. c.

[2]) Жигаревъ, o. c., стр. 70.

[3]) Helfert, o. c., стр. 48—49.

[4]) Helfert, o. c., стр. 102—103 (жалобы Каролины русскому послу при Вѣнскомъ дворѣ, гр. Разумовскому, въ 1803 году,

узкой и связанной съ Италіей цѣли—огражденію интересовъ Неаполя отъ дальнѣйшихъ покушеній со стороны французовъ, уже занявшихъ, въ цѣляхъ борьбы съ Англіей, его адріатическое побережье (конвенція 6 ноября 1804 г.[1]). Вступая опять въ борьбу съ представительницей новой Европы—Франціей, Австрія думала, какъ и прежде лишь о реальныхъ цѣляхъ этой борьбы, которыя она намѣчала въ вытѣсненіи Франціи изъ Италіи, съ возстановленіемъ прежнихъ династій, а также конечно съ хорошимъ вознагражденіемъ себя за труды—въ видѣ пріобрѣтенія части Сѣверной Италіи, ограниченной рѣками Аддой и По[2]). Въ противоположность ей, Россія, готовясь къ этой борьбѣ, задавалась цѣлями болѣе отвлеченными, идеальными, цѣлями, возникавшими, по мнѣнію С. М. Соловьева, вслѣдствіе большей свободы дѣйствій Россіи въ европейскихъ дѣлахъ, зависѣвшей отъ своеобразныхъ условій ея развитія. Эти отвлеченныя цѣли получили въ данномъ случаѣ свою формулировку при посредствѣ итальянскихъ политическихъ писателей, имѣвшихъ немалое вліяніе на русскіе правительственные круги въ первые годы царствованія Александра I, знаменитаго впослѣдствіи идеолога реакціи, графа Іосифа де-Местра, сардинскаго посланника при русскомъ дворѣ и менѣе извѣстнаго аббата Піаттоли, бывшаго воспитателя всесильнаго князя Адама Чарторижскаго, недавняго русскаго посланника въ Сардиніи[3]). Въ планѣ, составленномъ подъ вліяніемъ этихъ теоретиковъ и имѣвшемъ цѣлью „союзническое посредничество для умиротворенія Европы", мы находимъ въ зародышѣ тѣ мысли, которыя впослѣдствіи, но съ сильными измѣненіями, легли въ основу Священнаго Союза. Именно подчеркивается необходимость направить силы соединившихся противъ Франціи государствъ не только на освобожденіе странъ изъ подъ ига Бонапарта, но и на устройство жизни этихъ странъ на началахъ истинной свободы, причемъ для лучшей гарантіи этой свободы проэктировалось соединеніе мелкихъ государствъ (въ томъ числѣ итальянскихъ) въ федераціи, въ интересахъ европейскаго равновѣсія. Сардинскія связи обоихъ теоретиковъ сказались въ ихъ требованіяхъ не только возстановленія въ его владѣніяхъ Сардинскаго короля, но и усиленія его, паралельно однако, съ требованіемъ отъ него коренныхъ внутреннихъ реформъ. Однако, этотъ идеальный планъ, предложенный Россіей черезъ Новосильцева на усмотрѣніе сначала одного изъ союзниковъ—Англіи, а затѣмъ и Австріи, не встрѣтилъ сочувствія съ точки зрѣнія ихъ реальной политики[4]) и не отразился на тѣхъ союзныхъ договорахъ, ко-

---

[1]) Helfert, o. c., стр. 155 (возможность занятія французами столицы Неаполя и крѣпостей, а также движенія ихъ въ Калабрію, какъ casus foederis для договаривающихся сторонъ).

[2]) Reuchlin, o. c.

[3]) С. М. Соловьевъ, Императоръ Александръ Первый (1877), стр. 64—66.

[4]) Эта неудача русскихъ плановъ была предсказана проницательнымъ де-Местромъ, указывавшимъ въ своемъ донесеніи Сардинскому королю, что не только

торыми была оформлена 3-ья коалиція, выступленіе которой на поле брани получило послѣдній толчокъ въ видѣ провозглашенія Наполеономъ себя королемъ впервые, хотя и не вполнѣ, объединенной Италіи. И во время этой войны Россія стремилась прежде всего оказать дѣйствительную помощь Неаполю, проявившуюся въ высадкѣ на его берега значительнаго отряда русскихъ войскъ, который, однако, вслѣдствіе общаго неблагопріятнаго для коалиціи поворота дѣлъ, а также обычной въ коалиціяхъ несогласованности дѣйствій, не смогъ спасти Неаполитанскій королевскій домъ отъ печальной участи бѣгства на англійскихъ корабляхъ на Сицилію, съ оставленіемъ Неаполя въ рукахъ побѣдителей при Аустерлицѣ [1]). Этотъ результатъ русскаго вмѣшательства въ борьбу крупнѣйшаго изъ итальянскихъ государствъ съ Франціей получилъ свое завершеніе въ Тильзитѣ, гдѣ въ связи съ полнымъ переломомъ въ системѣ внѣшней политики Россіи, она признала Неаполитанскимъ королемъ брата Наполеона—Іосифа, нарушивъ, такимъ образомъ, тотъ принципъ легитимизма, на которомъ, главнымъ образомъ, основывалось доселѣ ея вмѣшательство въ устройство итальянскихъ дѣлъ. Этотъ отказъ отъ поддержки правъ Неаполитанскихъ Бурбоновъ, выразившійся позже въ отозваніи, въ угоду Наполеону, отъ ихъ двора въ Палермо русскаго посла, объясняется и тѣмъ одновременнымъ отказомъ Россіи отъ веденія самостоятельной политики на Средиземномъ морѣ, который проявился въ передачѣ Россіей Франціи Іоническихъ острововъ и Каттаро—этихъ важныхъ для операцій русскаго флота опорныхъ пунктовъ [2]). Уступая, такимъ образомъ, Франціи свое вліяніе на Югѣ Италіи, Россія не могла иначе поступать и въ отношеніи Сѣвера, тѣмъ болѣе, что здѣсь нарушались главнымъ образомъ интересы бывшей русской союзницы Австріи, отношенія къ которой Россіи переживали новую фазу разочарованія. Однако по отношеніи къ Сардиніи, какъ давнему антагонисту Австріи, вызывавшему къ себѣ поэтому особый интересъ Россіи, русская дипломатія постаралась, хотя и тщетно, проявить свое доброжелательство въ Тильзитѣ, въ видѣ фантастическаго проэкта компенсаціи ея короля надѣленіемъ его землями въ Сѣверной Африкѣ [3]).

Англія смотритъ съ подозрительностью на упроченіе русскаго вліянія въ Средиземномъ морѣ (имѣя въ виду, конечно владѣніе Корфу), но также и Бурбоны (см. В. Кн. Николай Михайловичъ, Императоръ Александръ I, изд. 2-е, 1914 г., стр. 43).

[1]) Helfert, o. c., стр. 167—168, 209 (разногласія русскихъ—посла Татищева и генераловъ Ласи и Оппермана съ англійскимъ посломъ Эллиотомъ, а также между собою), 195 (неопредѣленное отношеніе Неаполитанскаго правительства къ высадкѣ русскихъ).

[2]) Helfert, o. c., стр. 308, 339; Соловьевъ, Александръ I, стр. 153.

[3]) Reuchlin, o. c.; этотъ проэктъ можетъ быть сравненъ съ не менѣе фантастическимъ проэктомъ 1807 года прусскаго министра Гарденберга о компенсаціи Сардинскаго короля Македоніей, а Неаполитанскаго Албаніей, въ результатѣ ре-

Періодъ времени отъ Тильзита до 1812 года, знаменующійся раздѣломъ Европы между „кесарями Запада и Востока", является временемъ устраненія Россіи отъ активнаго вмѣшательства въ итальянскія дѣла. Правда, и въ эти годы графъ Іосифъ де Местръ продолжалъ оставаться краснорѣчивымъ и бдительнымъ представителемъ при Петербургскомъ дворѣ интересовъ лишеннаго лучшей половины своихъ владѣній (Пьемонта) Сардинскаго короля, но его роль сводилась лишь къ наблюденію за тѣмъ наружнымъ тѣснымъ единеніемъ Россіи съ Франціей, подъ которымъ, уже съ дней Эрфуртскаго свиданія, какъ отмѣчаетъ Вел. Кн. Николай Михайловичъ, крылась ясно—обдуманная личная политика Императора Александра, направленная къ усыпленію Наполеона союзными отношеніями для лучшаго использованія „той желанной минуты, когда союзникъ его окажется зрѣлымъ для крушенія своего могущества и славы" [1]).

Когда эта желанная минута наступила, послѣ долгихъ мѣсяцевъ мучительныхъ тревогъ и ожиданій для Александра, то она нашла его, какъ извѣстно, сильно измѣнившимъ во многомъ свои взгляды на свою роль правителя Россіи и руководителя ея внѣшней политики. Правда, этотъ переломъ обнаружился въ Александрѣ лишь постепенно и въ апогей своего торжества, въ 1813 и 1814 годахъ онъ громко заявлялъ, что на ряду съ выгодами для отдѣльныхъ государствъ европейской дипломатіи надлежитъ „сообразоваться съ нравственнымъ положеніемъ различныхъ народовъ", вызывающимъ необходимость предоставленія этимъ народамъ „выгодъ представительной системы" [2]). Такимъ образомъ, національный принципъ, порожденный косвеннымъ образомъ бурями Революціи и побѣдами Наполеоновской имперіи, казалось, нашелъ себѣ, паралельно съ конституціонными началами, защитника въ лицѣ этого „Агамемнона среди царей, пастыря народовъ" [3]). Но этотъ важный результатъ парализовался одновременнымъ упроченіемъ въ душѣ Александра того легитимнаго начала, которое, наряду съ принципомъ охраны европейскаго равновѣсія, уже давно являлось объединительнымъ лозунгомъ всей борющейся съ Франціей Европы. Теперь это легитимное начало получило для Александра свое религіозное обоснованіе, зародившееся при видѣ „суда Божія на ледяныхъ поляхъ Россіи" и все болѣе упрочивавшееся путемъ практическихъ уроковъ и теоретическихъ внушеній.

Эта двойственность настроенія Александра въ годы, слѣдующіе за отечественной войной, находитъ свое отраженіе и въ его политикѣ по отношенію къ Италіи. Лозунгъ „независимости народовъ", въ томъ числѣ и славянскихъ, провозглашенный Александромъ еще весною

комендовавшагося имъ раздѣла Турціи силами Франціи, Россіи и Австріи (Соловьевъ, о. с., стр. 159).

[1]) В. Кн. Николай Михайловичъ, о. с., стр. 101.

[2]) Жигаревъ, о. с., стр. 76.

[3]) Соловьевъ, Александръ I, стр. 560.

1812 года, какъ главная цѣль предстоявшей войны [1]), скоро сталъ подвергаться ограниченіямъ въ видѣ тѣхъ условій о выгодахъ, которыми сопровождалось присоединеніе отдѣльныхъ державъ къ поднятой Александромъ борьбѣ. Въ частности, Австрія своимъ условіемъ вступленія въ коалицію лѣтомъ 1813 года поставила право ея преобладающаго вліянія на устройство итальянскихъ отношеній, что и было признано Россіей, которая должна была вслѣдствіе этого лишь умѣренно отвѣчать на тѣ призывы о защитѣ, которыя стали раздаваться къ ней со стороны снова почувствовавшихъ тяжелую руку Австріи отдѣльныхъ государствъ. „Италія—это монета для расплаты за другое", съ горечью замѣтилъ въ это время наблюдательный де-Мэстръ, испытавшій это на дѣлѣ, когда онъ (а также и другіе сардинскіе дипломаты) тщетно старался убѣдить Александра и его министровъ въ пользѣ созданія сильнаго королевства на Сѣверѣ Италіи путемъ увеличенія владѣній Сардинскаго короля [2]). Но если въ общемъ Россіи приходилось предоставлять Австріи свободу дѣйствій въ Италіи, чтобы такимъ образомъ вознаградить ее за согласіе на уступки Россіи въ дѣлѣ созданія Царства Польскаго, то въ частныхъ вопросахъ русская политика стремилась поддержать по мѣрѣ возможности интересы отдѣльныхъ итальянскихъ государствъ, а иногда даже населенія этихъ государствъ. Такъ, благодаря поддержкѣ Россіи осуществилось англійское предложеніе о присоединеніи Генуи къ Сардинскимъ владѣніямъ, дававшее имъ прекрасный выходъ къ Средиземному морю; благодаря Россіи же Сардинія отстояла отъ притязаній Австріи Новарскій край [3]). Еще большее расхожденіе русской политики съ австрійской мы видимъ въ отношеніяхъ Россіи къ дѣламъ Южной Италіи въ 1814 и 1815 годахъ, раздѣленной въ данное время между Мюратомъ и Бурбонами. Правда уклончивая политика Александра, явно склонявшаяся одно время на сторону Мюрата, объясняется въ большей мѣрѣ тѣмъ антирусскимъ коалиціоннымъ планомъ, возникшимъ подъ шумъ празднествъ Вѣнскаго конгресса, при дѣятельномъ участіи Австріи, который, для парированія его, вызывалъ потребность въ пріобрѣтеніи расположенія мечтавшаго о роли итальянскаго короля Мюрата [4]). Съ другой стороны эта политика коренится въ томъ отрицательномъ отношеніи ко внутренней политикѣ Неаполитанскихъ Бурбоновъ, которое уже давно упрочилось, несмотря на возникавшія союзныя связи, въ душѣ Александра, и проявилось въ тѣхъ требованіяхъ, которыми обусловливался союзъ съ Бурбонами въ 1815 году, въ моментъ новаго объеди-

[1]) В. Кн. Николай Михайловичъ, о. с., стр. 114.

[2]) N. *Bianchi*. Storia della diplomazia Europea in Italia, vol. I, 17.

[3]) Bianchi, o. c., vol. I, 226, но ср. ibid, 19 (объ отрицательномъ отношеніи Александра къ возстановленію Генуэзской республики).

[4]) Соловьевъ, о. с., стр. 274—275, 297—298; *Helfert*. Kaiser Franz I und die Gründung des Lombardo—Venetianischen Königreichs, Wien 1901, s. 83, Anmerk. 86.

нія всѣхъ участниковъ коалиціи противъ Наполеона и вновь примкнувшаго къ нему Мюрата[1]).

Эта раздвоенность политики Александра по отношенію къ Италіи продолжалась еще нѣсколько лѣтъ, имѣя почву и въ томъ разногласіи, которое постоянно царило среди главныхъ совѣтниковъ его по иностраннымъ дѣламъ—Поццо ди Борго и Каподистріи съ одной стороны, Нессельроде, являвшагося послушнымъ орудіемъ Меттерниха, съ другой. Первые двое, итальянцы если не по крови, то по духу, будучи несомнѣнными защитниками легитимизма, являлись, хотя бы и въ теоріи, сторонниками нѣкотораго національнаго объединенія Италіи или, по крайней мѣрѣ, независимости отдѣльныхъ, составлявшихъ ее, государствъ. Нессельроде и группировавшаяся вокругъ него „нѣмецкая“ партія русской дипломатіи, отрицая совершенно національное начало въ Италіи даже въ видѣ „духа“, стремилась слѣпо поддерживать въ Италіи политику Австріи, какъ носительницы истиннаго легитимизма и поборницы идей Священнаго Союза. Александръ склонялся на сторону то одной, то другой группы своихъ совѣтниковъ и это проявляется въ отдѣльныхъ актахъ его итальянской политики до 1820 года, когда подъ вліяніемъ не только итальянскихъ дѣлъ, но и внутреннихъ русскихъ, онъ рѣзко становится на сторону Меттерниха и его alter ego Нессельроде. Такъ, въ частности, слѣдствіемъ воздѣйствія Каподистріи и Поццо ди Борго на Александра явилась защита Россіей Сардиніи отъ усиленныхъ стараній Австріи включить ее въ составъ проэктировавшейся Австріей конфедераціи или лиги итальянскихъ государствъ подъ явной гегемоніей Австріи[2]). Эта защита Россіи вообще весьма интересовала сардинскихъ политиковъ, искавшихъ опоры противъ постоянно тревожившихъ ихъ происковъ Австріи и они внимательно искали признаковъ новаго охлажденія Россіи и Австріи, надѣясь, и не безъ основанія, найти ихъ на почвѣ Восточнаго вопроса, приближавшагося къ острому кризису, въ видѣ возстанія грековъ[3]). Эту поддержку Россіи и Сардинія и другія итальянскія государства могли найти тѣмъ легче, что они охотно шли по тому пути легитимизма и борьбы съ либеральными идеями, на который все круче сворачивалъ творецъ Священнаго Союза. Этимъ совпаденіемъ объясняется, конечно, то сочувствіе, которое проявилъ Александръ и къ Сардиніи и къ Неаполю, въ лицѣ ихъ „легитимныхъ“ правителей, когда въ этихъ государствахъ въ 1820 и 1821 годахъ вспыхнули либеральныя движенія, приведшія

---

[1]) Bianchi, o. c. I, 20, Reuchlin, o. c. (договоръ 29 апрѣля 1815 г. между Александромъ I и Фердинандомъ IV), Соловьевъ, o. c., стр. 439; Helfert, Königin Karolina, s. 611, Anmerk. 1, относится, впрочемъ, съ сомнѣніемъ къ подлинности фразы Александра о Фердинандѣ, какъ „королѣ палачѣ“ и о необходимости для послѣдняго „больше думать о благѣ народа и меньше—о благополучіи королевскаго дома“.

[2]) Bianchi, o. c., I. 232.

[3]) Bianchi, o. c., I, 242—243.

къ временному торжеству той „представительной системы", защитникомъ которой еще недавно являлся Александръ. Нужно, однако замѣтить, что политика Александра въ отношеніи этихъ движеній испытала нѣсколько фазисовъ, зависѣвшихъ отъ продолжавшагося колебанія его взглядовъ и воздѣйствій его совѣтниковъ. Тогда какъ въ началѣ Лайбахскаго конгресса, созваннаго спеціально для обсужденія итальянскихъ дѣлъ, Александръ допускалъ возможность улаженія раздора между Неаполитанскимъ королемъ Фердинандомъ и его народомъ путемъ обоюдныхъ уступокъ, безъ вмѣшательства иностранныхъ державъ [1]), по мѣрѣ развитія дѣятельности конгресса, а въ особенно закулисныхъ интригъ Меттерниха, онъ не только проявлялъ все большую антипатію къ интересамъ неаполитанскаго народа, видя въ его конституціонныхъ стремленіяхъ проявленія „царства зла" и „сатанинскаго духа" (подлинныя слова его въ письмѣ къ княгинѣ С. С. Мещерской), но открыто заявилъ о своей готовности принять участіе въ вооруженномъ вмѣшательствѣ въ дѣла Неаполя посылкой 100 тысячной арміи [2]). Хотя въ концѣ концовъ, Александръ переуступилъ Австріи выполненіе этой желанной для нея карательной миссіи, дававшей ей возможность на цѣлый рядъ лѣтъ держать подъ своимъ бдительнымъ надзоромъ весь Югъ Италіи, но вообще событія 1820 и 1821 годовъ повели къ предоставленію Россіей полнаго простора Австріи въ утвержденіи ея гегемоніи надъ Италіей во имя борьбы съ всесвѣтной революціей, отдаленные раскаты которой видѣлъ Александръ и въ той "Семеновской исторіи", вѣсти о которой были доставлены ему Чаадаевымъ въ Лайбахъ. Такое же предоставленіе свободы дѣйствій Австріи было проведено Александромъ и по отношенію къ Сардиніи въ связи съ вспыхнувшимъ и здѣсь либеральнымъ движеніемъ [3]), за исключеніемъ лишь одного вопроса, задѣвавшаго слишкомъ явно не только легитимистическіе принципы, но и чувство справедливости въ душѣ Александра. Рѣчь шла о происках Австріи противъ правъ на Сардинскій престолъ принца Кариньянскаго Карла Альберта, ставшаго подозрительнымъ и непріятнымъ для Австріи со времени его кратковременнаго регентства въ 1821 году, ознаменованнаго дарованіемъ эфемерной конституціи. Въ защитѣ правъ Карла —Альберта на престолъ Александръ и его совѣтники проявили на Веронскомъ конгрессѣ 1822 года необычайную для нихъ энергію, невзирая на явное недовольство Австріи, и сохранили престолъ для будущаго „перваго меча Италіи" [4]). Но за этимъ исключеніемъ послѣдніе годы царствованія „Благословеннаго" монарха были годами полной солидарности Россіи и Австріи въ Италіи, какъ и вездѣ, на почвѣ охраны „алтарей и троновъ".

---

[1]) Bianchi, o. c., II, 31.

[2]) В. Кн. Николай Михайловичъ, o. c., 254—256.

[3]) Bianchi, o. c., II, 39—40; 55—56; 95.

[4]) Bianchi, o. c., II, 95—96, 117.

Эта солидарность однако уже подтачивалась въ той области отношеній, которая была особенно важна для обѣихъ державъ -въ области Восточнаго вопроса, и первые годы царствованія Николая I принесли, вмѣстѣ съ возобновленіемъ традиціонныхъ началъ русской политики на Балканахъ, явное охлажденіе Россіи и Австріи[1]). Это охлажденіе было желаннымъ не только для итальянской націи, утратившей всякія надежды на освобожденіе отъ чужеземнаго ига съ торжествомъ Австріи надъ либеральными движеніями 1820—1821 годовъ, но даже и для „опекаемыхъ" Австріей итальянскихъ правительствъ. Однако оно было, во первыхъ, лишь частичнымъ, ибо Николай I являлся такимъ же, если не большимъ, сторонникомъ принциповъ легитимизма и права вмѣшательства великихъ державъ въ чужія дѣла въ цѣляхъ подавленія „революціонной гидры", какимъ былъ Александръ I, а во вторыхъ, періодъ охлажденія оказался весьма недолгимъ: раскаты Іюльской революціи снова сблизили обоихъ членовъ „Священнаго Союза". Это сближеніе нашло свое завершеніе въ Мюнхенгрецкихъ тайныхъ конвенціяхъ 1833 года, закрѣпленныхъ Берлинской конвенціей того же года съ участіемъ Пруссіи, снова провозглашавшихъ незыблемость „охранительной системы" и право призыва каждымъ государемъ себѣ на помощь другихъ государей, какъ во время внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ опасностей[2]). Еще задолго до этой торжественной санкціи, въ 1827 году Россія сообщила итальянскимъ дворамъ о своей рѣшимости поддержать всѣми средствами Австрію въ случаѣ возникновенія новыхъ революціонныхъ движеній въ Италіи[3]) и эта рѣшимость была подтверждена въ моментъ дѣйствительнаго проявленія этихъ движеній, въ 1831 году, когда Австрія по призыву папы Григорія XVI выступила на усмиреніе его подданныхъ въ Церковной Области[4]). Хотя Россія должна была признать неудовлетворительность папскаго управленія, какъ поводъ для волненій, путемъ своего участія въ меморандумѣ, поданномъ всѣми великими державами, папѣ о необходимости привлеченія свѣтскихъ лицъ къ управленію Папской Областью, однако ея представитель, наравнѣ съ австрійскимъ, проявилъ наибольшее стараніе къ сведенію на нѣтъ попытокъ реформъ, предложенныхъ Англіей и Франціей[5]). Такая же солидарность была проявлена Россіей и Австріей и по отношенію къ вновь вступившему въ 1831 году на Сардинскій престолъ Карлу—Альберту, которому обѣими державами было вмѣнено въ обязанность не производить перемѣнъ въ государственномъ строѣ и не даровать политической амнистіи. Далѣе по отношенію къ столь испытаннымъ въ легитимизмѣ Неаполитанскимъ Бурбонамъ, въ лицѣ Фердинанда II,

---

[1]) *Татищевъ*, Внѣшняя политика императора Николая Перваго, 1887; стр. 16—22.
[2]) Татищевъ, о. с., 26—29.
[3]) Bianchi, o. c., II, 242—244.
[4]) Bianchi, o. c., III. 52—53; 87—88; 96.
[5]) Reuchlin, o. c.

было проявлено Николаемъ I нерасположеніе (правда мимолетное), вызванное опасеніями Меттерниха относительно возможныхъ проявленій либерализма со стороны будущаго „Короля Бомбы“ [1]). Такой политики солидарности интересовъ и дѣйствій Россіи и Австріи по отношенію къ Италіи продолжалъ держаться Николай I до послѣднихъ годовъ своего царствованія и совершенно фантастическими являются мысли нѣкоторыхъ итальянскихъ патріотовъ—историковъ о тайной поддержкѣ Николаемъ національныхъ движеній въ Средней Италіи, направленныхъ какъ противъ папы, такъ и противъ Австріи, и якобы клонившихъ къ созданію особаго королевства для мужа любимой дочери Николая—Маріи Николаевны, герцога Максимиліана Лейхтенбергскаго, сына памятнаго вице короля Италіи—Евгенія Богарнэ [2]). Правда, что въ отношеніяхъ римской куріи и Россіи съ началомъ польскаго возстанія 1831 года наступилъ періодъ обостренія, вызванный обоюдными обвиненіями—въ притѣсненіяхъ польскаго духовенства съ одной стороны, и въ попустительствѣ вмѣшательству духовенства въ революціонное броженіе съ другой [3]), но Николай I слишкомъ твердо держался легитимныхъ принциповъ, чтобы для достиженія своихъ цѣлей самъ нарушилъ эти принципы, тѣмъ болѣе, что папа проявлялъ постоянное стремленіе уступать могущественному покровителю „алтарей и троновъ“.

Политическая система международныхъ отношеній, выработанная Николаемъ I, подверглась серьезной пробѣ въ памятные 1848 и 1849 года, когда Россіи, по волѣ ея Императора, пришлось не только словомъ, но и дѣломъ принять участіе въ событіяхъ, вызванныхъ революціонными взрывами, обнаружившимися почти во всѣхъ странахъ Западной Европы, въ томъ числѣ и въ Италіи. Нужно сказать, что проба эта была выдержана, ибо нигдѣ и ни въ чемъ Николай I не отступилъ отъ тѣхъ принциповъ поддержки „законныхъ“ властей и противодѣйствія народнымъ стремленіямъ даже путемъ вооруженнаго вмѣшательства, которые являлись краеугольными камнями его политическаго міросозерцанія. Въ частности по отношенію къ событіямъ, разыгравшимся въ Италіи еще до Февральской революціи, а также и послѣ нея, Николай I проявилъ неуклонное стремленіе и готовность поддерживать интересы Австріи не только противъ народныхъ революціонныхъ движеній, но и противъ выступленія отдѣльныхъ итальянскихъ государствъ, движимыхъ національными и объединительными идеями. Если, съ одной стороны, король Двухъ Сицилій Фердинандъ II, вступившій въ борьбу со своими подданными на почвѣ защиты абсолютизма, былъ привѣтствуемъ Россіей, какъ „храбрый защитникъ монархическаго строя и консервативныхъ началъ общежитія“ [4]), то съ другой стороны, Сардин-

[1]) Bianchi, o. c., III, 262.
[2]) Reuchlin, o. c., (no Gualterio, Gli ultimi rivolgimenti d'Italia).
[3]) Bianchi, o. c., III, 214—230.
[4]) Bianchi, o. c., V, 86—87; Татищевъ, o. c., 44.

скій король Карлъ Альбертъ, не внимавшій призыву Россіи „въ сознаніи своихъ истинныхъ интересовъ примкнуть къ австрійскому императору, какъ естественному союзнику и помощнику", получилъ отъ Россіи предупрежденіе, что вторженіе его въ возставшую противъ Австріи Ломбардію будетъ разсматриваться, какъ casus belli для Россіи [1]). Тѣмъ болѣе, конечно вызывали порицаніе Россіи такіе факты, какъ провозглашеніе Сициліей своей независимости отъ Неаполя или лишеніе папы свѣтской власти путемъ созданія Римской республики [2]). Если Николаю I не пришлось двинуть своихъ войскъ въ Италію на защиту Австріи или легитизма вообще, то это произошло не отъ колебаній его въ данномъ вопросѣ, а лишь потому, что Австрія смогла одна справиться съ двинувшимся на нее въ союзѣ съ молодой революціонной Италіей Сардинскимъ королевствомъ, а затѣмъ, при неожиданной поддержкѣ французской республики, помочь справиться и самостоятельнымъ итальянскимъ государствамъ. Но зато Николай I довелъ до конца свою рѣшительную политику по отношенію къ Сардиніи, разорвавъ съ ней дипломатическія сношенія и не проявивъ никакого участія къ полному разгрому Австріей этого давняго друга Россіи, что объясняется отчасти наличностью немалаго числа поляковъ—эмигрантовъ въ рядахъ сардинскихъ войскъ, обстоятельства, вызывавшаго особое раздраженіе Николая [3]).

Но если система западной политики Николая I выдержала испытанія 1848 и 1849 годовъ, конечно, благодаря той вѣрности ея началамъ, которая была проявлена самимъ Николаемъ I, то ближайшіе годы принесли съ собою крушеніе этой системы, разбившейся о скалы Восточнаго вопроса. Давнее ожиданіе сардинской дипломатіи, что дружба Россіи съ Австріей, столь нежелательная для развитія отдѣльныхъ итальянскихъ государствъ, подвергнется суровымъ испытаніямъ, если не крушенію, на почвѣ вопроса о гегемоніи на Балканахъ, сбылось въ полной мѣрѣ въ годы Крымской войны. Правда Сардиніи пришлось примкнуть въ этотъ давно жданный моментъ къ лагерю враговъ Россіи, но она была вынуждена къ этому создавшимся положеніемъ вещей, требовавшимъ отъ нея для обезпеченія себя отъ непрекращавшихся вожделѣній Австріи, а еще болѣе въ чаяніи грядущихъ благъ, пріобрѣсти расположеніе и поддержку вступившихъ въ борьбу съ Россіей во имя принципа европейскаго равновѣсія Англіи и Франціи [4]). Съ другой стороны, то упорное нежеланіе возобновить прерванныя съ Сардиніей сношенія, которое проявлялъ до самой своей

---

[1]) Bianchi, o. c., V, 96—99.

[2]) Уничтоженіе Римской республики путемъ вооруженнаго вмѣшательства католическихъ державъ всецѣло одобрялось русскимъ правительствомъ (Bianchi, o. c., VI, 24—25), стоявшимъ также вполнѣ опредѣленно на сторонѣ неаполитанскаго двора въ его борьбѣ съ возставшей Сициліей (Bianchi, o. c., VI, 58).

[3]) Bianchi, o. c., V, 250—252; Татищевъ, o. c., 66.

[4]) Bianchi, o. c., VII, 159—160; 167—168.

кончины Николай I [1]), давало Сардиніи возможность отпарировать при ея выступленіи, упрекъ въ неблагодарности, обращенный къ ней русской дипломатіей, напоминавшей о той постоянной и давней помощи, военной и дипломатической, которую русское правительство оказывало Сардиніи, и взывавшей не только къ династическимъ но и національнымъ традиціямъ Сардинскаго королевства. Но Кавуръ, являвшійся выразителемъ въ моментъ разрыва съ Россіей не только правительственнаго, но и подавляющей части общественнаго мнѣнія Сардиніи, остался глухъ къ этимъ патетическимъ призывамъ Нессельроде, а равно и къ обвиненію Сардиніи въ нарушеніи международнаго права, выразившемся въ выступленіи Сардиніи наряду съ Англіей и Франціей безъ формальнаго объявленія войны Россіи. Въ составленномъ имъ отъ лица Сардиніи манифестѣ 4 марта 1855 года причиной выступленія Сардиніи противъ Россіи объявлялся тотъ общій характеръ русской политики въ Восточномъ вопросѣ, который, по мнѣнію Кавура (повторявшаго, въ данномъ случаѣ, уже готовые и не разъ использованные доводы англо-французскихъ дипломатіи и публицистики того времени) являлся опаснымъ какъ для европейскаго равновѣсія, такъ и для національной свободы отдѣльныхъ народовъ Европы, въ томъ числѣ и живущихъ по берегамъ Средиземнаго моря, т. е. и для обитателей Сардинскаго королевства [2]). Но, конечно, не этими отвлеченными принципами руководились творцы будущей единой и свободной отъ чужеземнаго ига Италіи—Викторъ-Эммануилъ и Кавуръ, когда они присоединялись къ антирусской коалиціи, а вполнѣ реальными условіями, въ видѣ права участія Сардинскихъ представителей на будущемъ мирномъ конгрессѣ и поддержки ихъ заявленій англо французской дипломатіей, а также въ видѣ гарантированія Сардиніи Англіей и Франціей спокойствія отъ плановъ австрійцевъ во время войны и обузданія австрійскихъ вожделѣній въ Италіи послѣ окончанія ея [3]). И политическій геній Кавура не ошибся въ своихъ разсчетахъ—Парижскій конгрессъ 1856 года явился первымъ звеномъ въ цѣпи событій, приведшихъ къ созданію единой Италіи и вмѣстѣ съ тѣмъ къ перелому въ системѣ международныхъ отношеній европейскихъ государствъ, въ томъ числѣ и Россіи.

Въ событіяхъ, связанныхъ съ Крымской войной, и въ частности въ томъ полномъ разочарованіи, которое пришлось испытать Россіи относительно выгодъ своего тѣснаго единенія съ Австріей, лежатъ причины тѣхъ перемѣнъ, которыя проявились въ отношеніяхъ Россіи къ итальянскимъ дѣламъ послѣ окончанія этой войны. Уже на Па-

---

[1]) Попытки сардинскаго правительства возобновить сношенія съ Россіей послѣ 1849 года разбились о рѣзко-отрицательное отношеніе русскаго правительства къ конституціонной политикѣ новаго короля Виктора Эммануила (см. Bianchi, o. c., VI, 317—318).

[2]) Bianchi, o. c., VII, 190—195.

[3]) Bianchi, o. c., VII, 175.

рижскомъ конгрессѣ, подводившемъ печальные для Россіи итоги войны, русскіе представители, хотя и уклонились по формальнымъ причинамъ отъ возбужденнаго Англіей и Франціей къ неудовольствію Австріи обсужденія итальянскаго вопроса[1]), но высказывались въ бесѣдахъ съ Кавуромъ относительно невыносимости современнаго положенія Италіи и необходимости улучшенія его, ссылаясь на пожеланія самого Александра II по этому вопросу[2]). Конечно, причина этихъ заявленій коренилась въ томъ сближеніи, которое все замѣтнѣе проявлялось между побѣжденной Россіей и побѣдоносной Франціей на почвѣ обоюднаго раздраженія двусмысленной политикой Австріи, достойнымъ наказаніемъ для которой являлась постановка на очередь Франціей, а равно и Англіей, итальянскаго вопроса во всей его широтѣ. Уже на самомъ конгрессѣ Наполеонъ III сталъ подготовлять почву для своего соглашенія съ Россіей относительно итальянскихъ дѣлъ[3]) и продолжалъ его въ теченіи всего времени, предшествовавшаго разрыву Австріи съ Франціей въ 1859 году, путемъ личныхъ бесѣдъ какъ съ Вел. Княземъ Константиномъ Николаевичемъ, такъ и съ самимъ Александромъ II (въ Штутгартѣ въ 1858 году), бесѣдъ, въ которыхъ онъ доказывалъ необходимость устраненія Австріи изъ Италіи, какъ виновницы нарушенія регулировавшихъ положеніе дѣлъ въ Италіи договоровъ 1815 года, а также желательность созданія конфедераціи итальянскихъ государствъ[4]). Однако, усиленные призывы Наполеона къ активному содѣйствію Россіи въ его предстоявшей борьбѣ съ Австріей, съ обѣщаніемъ Галиціи въ видѣ вознагражденія, не нашли себѣ отклика въ душѣ Александра II и его канцлера Горчакова, ограничившихся обѣщаніемъ доброжелательнаго нейтралитета по отношенію къ Франціи. Этотъ нейтралитетъ, нашелъ себѣ особенно яркое проявленіе въ той знаменитой нотѣ Горчакова (15 мая 1859 года) къ нѣмецкимъ государствамъ, которая положила предѣлъ ихъ намѣреніямъ стать на сторону Австріи[5]). Такое же доброжелательство проявлялось въ эти годы Россіей и по отношенію къ главному инициатору освободительной борьбы противъ Австріи—къ Сардинскому королевству, олицетворявшемуся Кавуромъ. Въ своихъ нотахъ Горчаковъ открыто признавалъ то слѣпое подчиненіе австрійскимъ вліяніямъ, которое руководило до тѣхъ поръ русской политикой по отношенію къ Италіи вообще и къ Сардиніи въ частности и привело къ многолѣтнему разрыву, а затѣмъ и войнѣ между естественными союзниками—Россіей и Сардиніей. Онъ горячо привѣтствовалъ сближеніе Россіи съ Сардиніей, указывая на пользу для Россіи отъ возможнаго роста Сардинскаго королевства, но не путемъ поддержки рево-

---

[1]) Bianchi, o. c., VII, 268.
[2]) Bianchi, o. c., VII, 288—289.
[3]) Татищевъ, Императоръ Александръ II, т. I, 190, 202.
[4]) Татищевъ, o. c., т. I, 235—236; 244—245.
[5]) Татищевъ, o. c., I, 249—250; 252—253.

люціонныхъ движеній [1]). Это сочувствіе Россіи коренилось, конечно, главнымъ образомъ въ желаніи подготовить въ лицѣ Сардиніи орудіе для достойнаго наказанія Австріи, но оно вызывалось и той предупредительностью, которую Кавуръ проявилъ по отношенію къ русскимъ интересамъ, когда по вопросу о разграниченіи уступленной Россіей части Бессарабіи (такъ называемому „Болградскому вопросу“) онъ рѣшительно сталъ на сторону Франціи, склонявшейся въ пользу болѣе выгоднаго для Россіи рѣшенія, которое напротивъ, оспаривалось Австріей и Англіей, поддерживавшими интересы Турціи [2]).

Война 1859 года съ послѣдовавшими освободительными движеніями въ Средней и Южной Италіи подвергла сильнымъ испытаніямъ ту новую политику, которую рѣшила вести Россія по отношенію къ Италіи. Симпатіи русской дипломатіи къ Сардиніи и Франціи, какъ мстителямъ Австріи за ея „неблагодарность“, стали охладѣвать по мѣрѣ роста національныхъ движеній и явнаго тяготѣнія освобождавшихся итальянскихъ земель къ объединенію вокругъ Сардиніи [3]). Принципъ легитимизма слишкомъ прочно сроднился со всѣмъ укладомъ русской внѣшней политики и русскаго государственнаго строя, чтобы руководители русской внѣшней политики могли спокойно отнестись къ нарушенію его во имя новаго національнаго принципа. Несочувственное отношеніе Россіи къ свержению народными движеніями государей Тосканы, Модены и Пармы нѣсколько умѣрялось чувствомъ торжества по поводу крушенія опоръ австрійскаго вліянія въ Италіи, каковыми являлись эти государи—представители австрійской „секундогенитуры“, но это отношеніе обратилось въ открытый протестъ, когда этими движеніями были охвачены какъ Папская Область [4]), такъ въ особенности издавна симпатичное для Россіи своей вѣрностью легитимнымъ началамъ Неаполитанское королевство [5]). Сначала тайная, а потомъ и явная поддержка, оказывавшаяся Сардиніей предпріятію Гарибальди и его „тысячи“ и закончившаяся присоединеніемъ королевства Бурбоновъ къ объединенной усиліями Сардиніи Италіи вызывали все большіе протесты Россіи во имя попиравшихся „легитимныхъ“ основъ международнаго права. Въ виду вступленія Сардиніи на путь поддержки революціи эти протесты завершились новымъ разрывомъ дипломатическихъ отношеній Россіи и Сардиніи, по иниціативѣ Россіи, въ октябрѣ 1860 г. [6]). Однако, этотъ разрывъ, стоявшій

[1]) Bianchi, o. c., VII, 371—373.

[2]) Bianchi, o. c., VII, 340—346.

[3]) Bianchi, o. c., VIII, 7—8; 92; De la Gorce, Histoire du Second Empire, Tome III, 164.

[4]) Bianchi, o. c., VIII, 107.

[5]) Россія поддерживала неаполитанское правительство въ его сопротивленіи даже Франціи и Англіи еще въ 1856—1857 годахъ, во имя принципа невмѣшательства, нарушеннаго ею же по отношенію къ Неаполю въ 1821 году (Bianchi, o. c., VII, 298—299; Татищевъ, o. c. I, 228—229).

[6]) Bianchi, o. c., VIII, 127; 276—277; 291—292; 355—356.

въ связи съ тѣмъ новымъ поворотомъ отъ союза съ Франціей къ сближенію Россіи съ Австріей и Пруссіей, которымъ ознаменовалось Варшавское свиданіе Александра II съ Францемъ Іосифомъ и Вильгельмомъ I въ 1860 году, не продлился долго[1]). Начало легитимизма, провозглашенное снова, какъ лозунгъ для союза трехъ сѣверныхъ монарховъ, подверглось скоро новому испытанію, возникшему на почвѣ проявленія новаго враждебнаго ему начала національности. Польское движеніе, начавшееся въ 1861 году, повлекло за собою охлажденіе Россіи къ Австріи, выступившей подъ прикрытіемъ глубоко чуждаго ея дипломатіи національнаго принципа на путь недоброжелательнаго отношенія къ Россіи въ видѣ мести за позицію Россіи во время итальянской войны 1859 г. Этимъ обстоятельствомъ объясняется то быстрое примиреніе Россіей съ установившимся въ Италіи новымъ порядкомъ вещей, которое нашло себѣ выраженіе въ признаніи Россіей новаго Итальянскаго королевства въ августѣ 1862 года. Основаніемъ для этого признанія было однако выдвинуто. Горчаковымъ торжество легитимныхъ, консервативныхъ началъ въ политикѣ новаго итальянскаго правительства надъ революціонными стремленіями народныхъ массъ, торжество, какъ бы санкціонировавшее допущеніе Италіи въ семью европейскихъ державъ. Но въ этомъ же, проникнутомъ устарѣвшей традиціей, сообщеніи, признававшемъ на дѣлѣ торжество національныхъ стремленій въ Италіи, содержалось важное указаніе, что фактомъ объединенія Италіи никакіе серьезные интересы Россіи не подвергались нарушенію[2]). Это указаніе служило прогнозомъ и для будущаго отношенія Россіи къ еще незавершенному объединительному стремленію Италіи. Дѣйствительно, ни отвоеваніе Италіей Венеціи у все яснѣе, даже для взоровъ преданныхъ легитимнымъ началамъ русскихъ дипломатовъ, вступившей на антирусскій путь Австріи, ни полное лишеніе свѣтской власти главы католической церкви, проявившаго далеко не дружелюбное отношеніе къ Россіи въ пору польскаго возстанія 1863 года[3]), ни тотъ, ни другой заключительные эпизоды объединенія Италіи не нарушали ни въ чемъ интересовъ Россіи и потому не вызвали никакихъ съ ея стороны протестовъ. Созданіе итальянскаго національнаго государства получило какъ бы свою санкцію со стороны русскаго правительства, въ томъ призывѣ, который былъ обращенъ къ итальянскому правительству въ 1870 году Россіей по поводу отмѣны стѣснительныхъ и унизительныхъ для Россіи условій Парижскаго трактата 1856 года. „Итальянское правительство слишкомъ проникнуто сознаніемъ своего достоинства, говорится въ этомъ обращеніи, чтобы не раздѣлять тѣхъ чувствъ, которыми руководствуется въ данномъ вопросѣ русское правительство“[4]). Это признаніе законности

[1]) Татищевъ, о. с., I, 268—269; 270—271; Bianchi, o. c., VIII, 363—365.
[2]) Bianchi, o. c., VIII, 374; Татищевъ, о. с., I, 415—416.
[3]) Татищевъ, о. с., I, 486—487; 536—538.
[4]) Татищевъ, о. с., II, 75.

пути, по которому шло правительство превратившагося въ Италію Сардинскаго королевства, знаменовало собою примиреніе офиціальной Россіи съ торжествомъ новаго національнаго начала надъ старымъ и столь злоупотреблявшимся принципомъ легитимизма, примиреніемъ, диктовавшимся не только отвлеченными соображеніями, но и здраво понятыми цѣлями русской внѣшней политики. Чрезъ временныя препятствія этотъ правильно намѣченный путь привелъ Россію и Италію къ тому тѣсному союзу не только чувствъ, но и интересовъ, который явился однимъ изъ важнѣйшихъ фактовъ только что закончившейся міровой войны.

Приватъ-доцентъ Е. Загоровскій.

Новая надпись Одесскаго Музея.

Весной 1918 г. Музею Общества профессоръ астрономіи мѣстнаго Университета А. Я. Орловъ любезно предоставилъ двѣ плиты, находившіяся въ теченіи долгаго времени въ предѣлахъ Университетской Обсерваторіи, что уже одно служитъ достаточнымъ ручательствомъ подлинности находящихся на нихъ надписей. Одна изъ нихъ представляетъ собой кусокъ темносѣраго пятнистаго мрамора, ширина ея равна 40 см., высота съ правой, вполнѣ уцѣлѣвшей стороны 52 см., а съ лѣвой 33 см.; остальная часть этого бока накось отбита. Верхніе 8 сентиметровъ заняты очень простымъ рельефомъ, состоящимъ изъ 4 перекрещивающихся наклонныхъ линій. Двѣ среднія изъ нихъ охватываютъ неправильный нѣсколько наклоненный вправо рельефный кругъ съ ясно подчеркнутымъ центромъ. Подъ всѣмъ рельефомъ идетъ снизу бордюрчикъ въ видѣ неправильныхъ мелкихъ городковъ. Подъ рельефомъ находится слѣдующая надпись, высота буквъ которой равно $2^1/_2$ сант.

ΤΥΧΗ ΑΓΑΘΗ
ΑΡΧΟΝΤΕΣ ΟΙ ΠΕΡΙ ΑΧΙΛΛΕΑ
ΚΑΛΛΙΝΟΥ ΤΟ ΒΕΙΑΟΥΟΣ ΑΡ
ΓΟΥ ΑΝΑΓΟΥ ΟΥΑΜΨΑΛΑΓΟΣ
ΣΩΚΡΑΤΟΥΣ ΑΥΡΙΟΥΑΛΑΝΟΣ (?)
ΙΟΥΛΙΑΝΟΥ ΕΥΠΛΟΥ ΕΥ
ΠΛΟΟΣ ΕΠΕΣΚΕΥΑΣΑΝ ΕΙ
...ΣΤΟ ΠΑΡΑ ΤΑ ΒΑΟΔΜΑΙΟΥ
ΚΑΙ ΕΤΕΡΑ ΕΡΓΑ ΚΑΙ ΤΟΥ.

Ниже видны слѣды трехъ строкъ, но онѣ такъ стерты, что прочтенію совершенно не поддаются. Устройство нижняго края плиты таково, что, повидимому, она обломана и полный текстъ ея надписи не укладывается даже въ этихъ 3 строчкахъ. Надпись стоитъ въ несомнѣнной связи съ многочисленными надписями въ честь Ахилла, неоднократно издаваемыми проф. Э. Р. фонъ Штерномъ въ послѣднихъ томахъ Записокъ Общества (см. томъ XXVII протоколъ 365 и 368 засѣданій, XXVIII томъ протоколъ 384 засѣданія, XXVIII томъ прилож. 393 засѣданія), при чемъ упомянаемые въ этой надписи архонты встрѣчаются также въ соотвѣтственныхъ надписяхъ съ Березани (проток. 368 засѣд.) и изъ села Бейкуша, лежащаго противъ

Березани (проток. 368 засѣд.). Всѣ эти надписи имѣютъ то же самое начало, что и издаваемыя. Имена, встрѣчающіяся въ этой надписи весьма пестры по своему составу. Такъ имя Каллинъ возстанавлялось по догадкѣ В. В. Латышевымъ вмѣсто „Каддинъ" въ надписи № 27 перваго тома его сборника южно-русскихъ надписей. Сократъ упомянается въ надписяхъ I №№ 67, 78, 114 II № 301 при чемъ въ Ольвійской надписи I 78 это тоже архонтъ Ахилла Понтарха; Юліонъ упомянутъ въ надписяхъ №№ 150 и 181 перваго тома Аргуанагъ— встрѣчается еще чаще см. надпись №№ 52, 51, 57 и 80 I тома. Среди именъ этой надписи, нѣкоторыя носятъ явно варварскій характеръ, что вполнѣ естественно послѣ того, какъ достаточно установлено присутствіе среди именъ на южно-русскихъ надписяхъ не только Иранскихъ (о нихъ см. *Вс. Ѳ. Миллеръ*. Къ Иранскому элементу въ припонтійскихъ греческихъ надписяхъ. Изв. Им. Арх. Ком. 1913 вып. 47 ст. 80—95), но и Кавказскихъ (см. *А. Л. Погодинъ* къ вопросу о варварскихъ именахъ въ южно-русскихъ надписяхъ Изв. Отд. Рус. Яз. и Слов. Им. Акад. Наукъ 1901, № 2, стр. 136—176).

С. Пападимѝтріу.

Изданія Общества:

1) Торжественное собраніе Одесскаго Общества Исторіи и Древностей 4 февраля 1840 г. Одесса, 1841 (въ продажѣ нѣтъ).

2) Descriptio musei publici Odessani, pars I, continens nummophylacium Odessanum. *N. Mursakewicz.* Odessa, 1841 (въ продажѣ нѣтъ).

3) Описаніе куфическихъ монетъ X вѣка, найденныхъ въ Рязанской губерніи въ 1839 году, *В. Григорьева.* С.-Петербургъ, 1841.

4) Записки Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Одесса, 1844—1919, I—XXXIII томы (нѣтъ въ продажѣ т.т. I, IV, V, VI, VII, XVII, XVIII, XIX, XX, XXI, XXII и XXIII).

5) Указатель статей, помѣщенныхъ въ изданныхъ XIII томахъ «Записокъ» Общества. Одесса, 1883 (въ продажѣ нѣтъ).

6) Указатель къ статьямъ, помѣщеннымъ въ изданныхъ XX томахъ Записокъ Императорскаго Одесскаго Общесова Исторіи и Древностей. Одесса, 1898 (въ продажѣ нѣтъ).

7) Prospectus... der ältesten hebräischen und rabbinischen Manuscripte. Ein Beitrag zur biblischen Exegese, von *Dr. Pinner.* Odessa, 1845 (въ продажѣ нѣтъ).

8) Исторія о казакахъ запорожскихъ, князя *Мышецкаго.* Одесса, 1851 (въ продажѣ нѣтъ).

9) Очеркъ заслугъ, оказанныхъ наукамъ свѣтлѣйшимъ княземъ Михаиломъ Семеновичемъ Воронцовымъ, *Н. Мурзакевича.* Одесса, 1861 (въ продажѣ нѣтъ).

10) Notice sur la Société Odessoise d'Histoire et d'Antiquités et sur ses mémoires, par *Ph. Bruun.* Odessa, 1875 (въ продажѣ нѣтъ).

11) Die orientalischen Münzen des Museums der Kaiserlichen historisch-archäologischen Gesellschaft zu Odessa, von *Dr. O. Blau.* Odessa, 1876.

12) Краткій указатель музея Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, *В. Юргевича.* Одесса, 1890 (въ продажѣ нѣтъ).

13) Каталогъ картамъ, планамъ, чертежамъ и видамъ, хранящимся въ музеѣ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. *А. Бертье-Делагарда.* Одесса, 1888.

14) Историческій очеркъ пятидесятилѣтія дѣятельности Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей (1839—1889), составилъ *В. Юргевичъ* Одесса, 1889. (въ продажѣ нѣтъ).

15) Каталогъ библіотеки Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Одесса, 1893 г. (въ продажѣ нѣтъ).

16) Указатель Ѳеодосійскаго музея древностей. Одесса, 1890 (въ продажѣ нѣтъ).

17) Пятидесятилѣтіе ученой дѣятельности В. Н. Юргевича, вице-президента Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, составилъ *В. А. Яковлевъ.* Одесса, 1892 г.

18) Музей Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Вып. I и II. Терракоты, опис. *А. А. Деревицкимъ*, *А. А. Павловскимъ* и *Э. Р. фонъ-Штерномъ.* Одесса, 1897 — 1898. Вып. III. Ѳеодосія и ея керамика. Изд. *Э. Р. фонъ-Штернома* Одесса, 1906 г. (в. I въ продажѣ нѣтъ).

19) Краткій указатель музея Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Изд. 5, Одесса, 1915. (въ продажѣ нѣтъ).

20) Рукописи, принадлежащія библіотекѣ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, описалъ *А. В. Рыстенко.* В. I, Одесса, 1910.

21) Сборникъ статей въ честь почетнаго члена Э. Р. фонъ-Штерна. Одесса, 1912.

22) Описаніе Мелекъ-Чесменскаго кургана и его памятниковъ въ связи съ исторіей Боспорскаго царства. Сост. *Ю. Ю. Марти.* Одесса, 1913.

23) Указатель статей, помѣщенныхъ въ I—XXX томахъ Записокъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Составилъ *М. Г. Попруженко.* Одесса, 1914.

24) *Н. А. Маркевъ.* Къ исторіи Бендерской крѣпости. Одесса, 1917 (въ продажѣ нѣтъ).

25) *С. Я. Штрайхъ.* Заслуги Н. И. Пирогова по учрежденію университета въ Одессѣ. Одесса, 1917 (въ продажѣ нѣтъ).

26) *В. Э. Крусманъ.* Джозафать Барбаро и Помпоній Лэтъ и ихъ путешествія по югу Россіи. Одесса 1917 (въ продажѣ нѣтъ).

Симъ доводится до всеобщаго свѣдѣнія, что въ распоряженіи Одесскаго Общества Исторіи и Древностей находится предназначенная для поощренія историко-археологическихъ трудовъ, относящихся къ югу Россіи, премія имени основателя Общества Димитрія Максимовича Княжевича. Учреждена въ память исполнившагося 50-лѣтія Общества его дочерьми: Маріей, Елизаветой и Екатериной Княжевичъ.